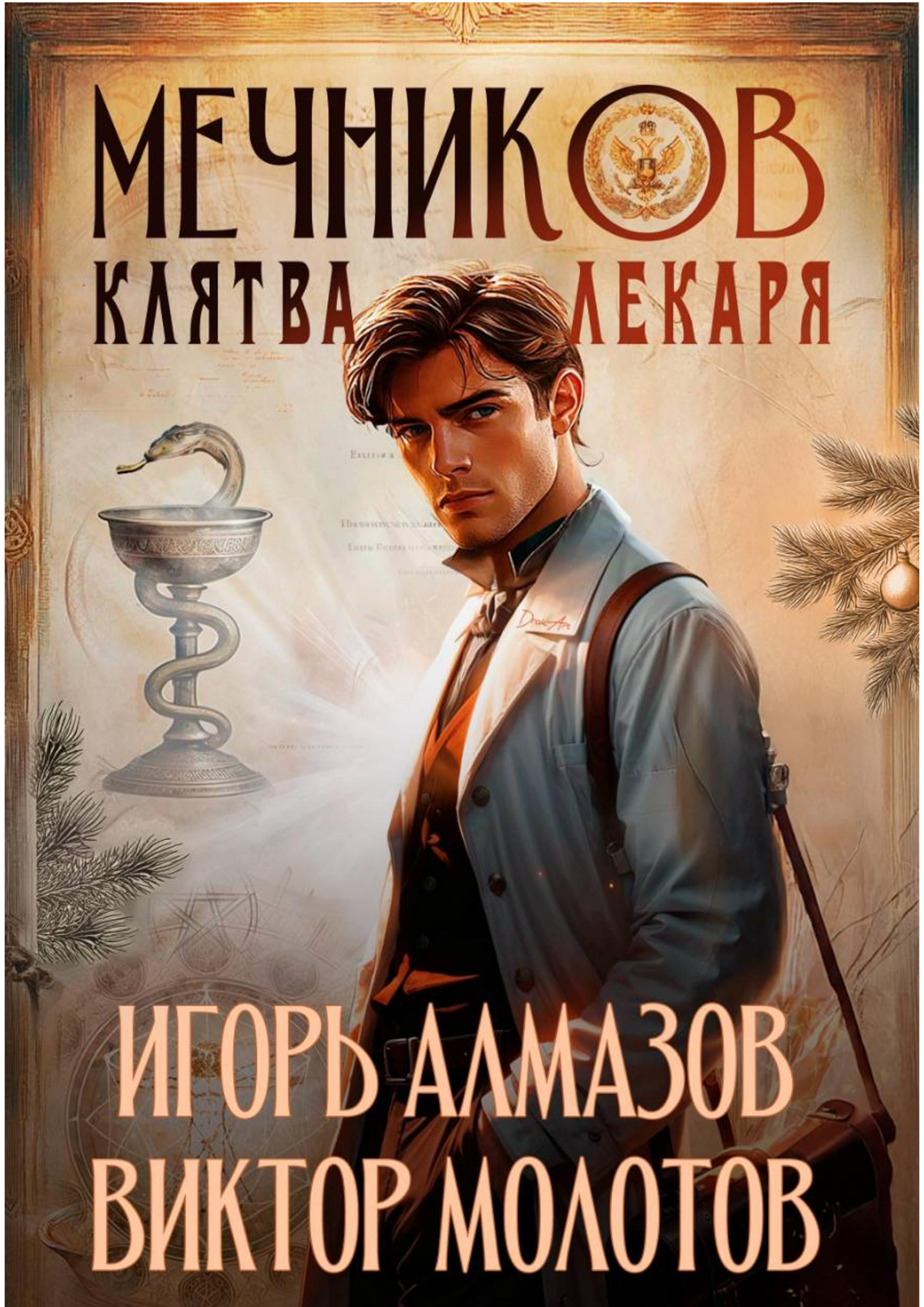
МЕЧНИКОВ

КЛЯТВА ЛЕКАРЯ

ИГОРЬ АЛМАЗОВ
ВИКТОР МОЛОТОВ

Виктор Молотов

Мечников. Том 2. Клятва лекаря

«Автор»
«Автор»
2026

Молотов В.

Мечников. Том 2. Клятва лекаря / В. Молотов — «Автор», «Автор», 2026

Алексей Мечников продолжает развивать медицину в 19 веке и познавать лекарское дело. А также, ему предстоит узнать, почему на самом деле его предшественника изгнали из рода!

© Молотов В., 2026
© Автор, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 12
Глава 3 18
Глава 4 25
Глава 5 32
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Игорь Алмазов, Виктор Молотов
Мечников. Том 2. Клятва лекаря

Глава 1

Ситуация окончательно вышла из-под моего контроля. Причём не одна, а сразу несколько! Мне не дают помочь девушке с летаргическим сном. Андрей Бахмутов и сам вот-вот потеряет веру в то, что его сестру ещё можно спасти.

В это время дядя, кажется, отдубасил главного лекаря, чтобы прорваться ко мне в подвал. И в итоге сообщил, что моего двоюродного брата Серёжу стащил этот ублюдок Сухоруков!

Так ещё и этот жар… Неужели яд упыря всё-таки начал действовать? Сколько у меня осталось времени до превращения в монстра? Два дня? Сутки?

Хотите сказать, что мне был дан шанс прожить вторую жизнь, и она даже месяц не продлится? Нет уж! Я найду способ выкрутиться. По крайней мере, если выхода нет, и я действительно стану упырём – перед этим ещё успею спасти двух человек.

– Дядя! – крикнул я. – Дай мне ровно пять минут. Никого сюда не пускай! Скоро я выйду, и мы пойдём искать Сухорукова!

– Хорошо! Мёртвым телом лягу, но не дам никому… – прокричал дядя. – А ну, пошёл отсюда!

Я вновь услышал, как Кораблёв рухнул на пол.

– Как же давно я хотел вам навалять, Иван Сергеевич! Это вам за моё увольнение! – послышался крик дяди.

Странно он себя ведёт… Возможно, действует на адреналине из-за произошедшего. Но со стороны звучит так, будто он успел напиться. Но этого быть не может. Вряд ли, узнав, что Сергея похитили, он бы сначала заглянул в кабак, а уже потом пошёл ко мне.

– Лёша, ты слышишь меня? – вернул меня из размышлений Бахмутов. – Что нам делать? Ты совсем плохо выглядишь… Уверен, что моя сестра вообще жива? Может, тебе это в горячке почудилось?

– Делай, как я говорю и узнаешь, прав я или нет! – воскликнул я, а затем возобновил поток лекарской магии в тело Сони Бахмутовой. – Теперь аккуратно вливай воздух в её ноздри.

Стоп, он ведь не знает, когда нужно остановиться. Если направит слишком много воздуха, может разорвать ей лёгкие.

– Стой, я буду тебя направлять, – бросил я Андрею. – Смотри. Поднимаю руку – ты вливаешь воздух. Как только опускаю – вытягиваешь его обратно. И так до тех пор, пока я не скажу прекратить. Понял?

– Так точно, – кивнул Бахмутов.

И мы приступили к её реанимации. Я будто дирижёр махал рукой, командуя магией солдата, а тот служил в роли аппарата ИВЛ. В последнее время я раздаю людям очень странные роли. Маг воздуха проводит искусственную вентиляцию лёгких, а мана-клещ Токс уже успел поработать анестезиологом. Не так я себе представлял воссоздание медицины моего мира!

Между тем, половина моей чаши уже истратилась на восстановление девушки. Если бы пару дней назад во мне не созрел ещё один виток, я бы точно не смог помочь ей. Не хватило бы маны. Но теперь два витка расходуют энергию намного экономнее. Словно учатся возвращать излишки назад – в чашу.

По-хорошему нужно будет потом опросить её, уже когда Соня Бахмутова придётся в себя, а я разберусь с остальными проблемами. Просто так без причины в летаргический сон не впадают. Что-то должно было этому поспособствовать.

Девушка открыла глаза и сделала глубокий вдох. Я тут же схватил руку Андрея, чтобы тот прекратил вливать в сестру воздух.

– Всё… – выдохнул я. – Мы справились, дружище.

– Соня! – вздрогнул Андрей. – Сонечка, ты… Ты правда жива?

Бахмутов скинул с себя камзол и накрыл им нагое тело сестры.

– Лёша, так ты был прав? – прошептал Андрей. – Ты правда не ошибся? Она что – жива? Почему она молчит?

– Успокойся, теперь с твоей сестрой всё будет хорошо, – уверил солдата я. – Она просто ещё не пришла в себя. Но лучше вынести её отсюда, в этом подвале слишком мало кислорода. Тащи её в госпиталь.

Бахмутов без лишних вопросов подхватил Соню на руки и побежал наверх. Я помог ему отодвинуть ящик, которым была забаррикадирована дверь, и мы, наконец, выбрались наружу.

А наверху тем временем творился сущий кошмар. Кораблёв с моим дядей практически начали дуэль. Спасал ситуацию Илья Синицын, который всё это время отвлекал на себя внимание, стараясь их разнять.

Однако, когда перед всей толпой предстал Андрей с ожившей Соней, все дружно замерли. Родители Бахмутовых тут же бросились к дочери. Я же испытал сильнейший дискомфорт.

Во мраке подвала чувствовал себя более-менее сносно, но когда мои покрасневшие глаза столкнулись с бьющим в окна солнечным светом, голову пронзила адская боль.

Я искоса взглянул на Ивана Сергеевича Кораблёва. Под его глазом разливался синяк, оставленный моим дядей.

– Я же говорил, что она жива, Иван Сергеевич. А на остальную часть дня я беру отгул. До завтра в амбулатории не появлюсь, – затем перевёл взгляд на дядю и произнёс: – За мной. Найдём этого ублюдка.

Мы с дядей выскочили на улицу. Олег обеспокоенно глядел на моё лицо.

– Чтоб меня Грифон растерзал… – выругался он. – Твоё лицо! Племянник, неужели всё-таки… Покажи свою руку! Мне нужно осмотреть рану, которую оставил упырь!

– Не трогай! – отмахнулся от него я. – Послушай меня внимательно. До встречи с Сухоруковым я могу и не дожить, но драться с ним тебе не придётся. Достаточно будет просто забрать ребёнка.

И я коснулся красного камня на кольце Кособокова. А затем отдал ему мысленный приказ: «Активируй печать огня Сухорукова».

***

Иван Сергеевич Кораблёв рухнул на своё кресло и принялся залечивать побои, оставленные Олегом Мечниковым. Вслед за ним в кабинет влетел Илья Синицын.

– Подите прочь! – рявкнул главный лекарь. – Лучше не попадайтесь мне под горячую руку. От вас я такого не ожидал, Синицын. Скрывали от меня… Такое! Теперь-то мне очевидно, из-за чего Мечникова изгнали из своего рода. Это он – некромант.

– Чушь, Иван Сергеевич, – помотал головой Синицын. – Он – лекарь, каких я ещё не встречал.

– Значит, он и вас вокруг пальца обвёл, – заключил главный лекарь. – Сами посудите, Синицын. В подвале лежал хладный труп. Мечников закрылся с ним, а через полчаса вытащил оттуда ожившую девушку!

– Видимо, не мертва она была, – пожал плечами Синицын.

– Даже если и так, – кивнул Кораблёв. – Но не кажется ли вам странным, что во Владыкино появилась некротика сразу после того, как в Хопёрск приехал Алексей Мечников?

– Вынужден с вами согласиться, – заявил вошедший в комнату Эдуард Родников.

– Ты-то куда лезешь? – оскалился Синицын, но Родников проскочил мимо коллеги и произнёс:

– Иван Сергеевич, я сам лично видел, как Мечников воскрешает человека.

– Что-что?! – не поверил своим ушам главный лекарь. – И вы всё это время молчали? Как это произошло?

– Алексей Александрович пришёл сюда на выходных за пару дней до начала своей деятельности. Ко мне поступил мужчина в тяжёлом состоянии. Умер в дверях амбулатории. Спросите сторожа – он подтвердит. Я ушёл за протоколом, чтобы констатировать смерть, и оставил Мечникова на десять минут с трупом мужчины. И последний ожил.

– Болван, ты чего несёшь?! – разозлился Синицын. – Алексей рассказывал мне эту историю. Он просто завёл ему сердце!

– Тихо, Синицын, – перебил Илью Кораблёв. – Я уже понял, что вы одурманены личностью Мечникова. Видимо, решили, что сможете извлечь из сотрудничества с ним много денег.

– Хоть убейте меня, я не могу согласиться! – продолжил упираться Синицын. – Алексей дрался с той некротической тварью, чтобы спасти жителей Владыкино. А ты, Эдуард, всё видел своими глазами. Мы бились бок о бок!

– А вас не смутило, Илья Андреевич, – прищурился Родников, – что Мечников с такой храбростью пошёл на бой с тварью? Первым вышел против этого лешего! Очевидно, что он специально это спланировал. Создал некротического лешего, распространил мор, а затем сам же его одолел, чтобы получить крупную сумму денег.

– Не тебе, скотина трусливая, об этом говорить, – прорычал Синицын, ткнув пальцем в грудь Родникова. – Ты тоже получил эти деньги, хотя сам едва ли принял участие в схватке. Камешек кинул в монстра – какое достижение!

– Прекратите оба! – взревел Кораблёв. – Мне самому не хочется принимать этот факт, Илья Андреевич. Но Мечников – некромант. И нам придётся доложить о нём.

***

Моё кольцо вспыхнуло. Красный камень завибрировал, сообщив мне, что печать огня сработала. Осталось лишь узнать, где находился Сухоруков. Где-то неподалёку от его дымящегося пепла должен быть Серёжа.

– Алексей, смотри! – воскликнул Олег. – Морг! Из него дым валит!

Я перевёл взгляд на здание морга. Из его окон валил дым. Точно, а ведь Кораблёв упоминал, что Сухоруков не явился на работу и забрал с собой ключи от морга. Видимо, на самом деле он заперся внутри него. И ребёнка всё это время держал там.

– Скорее! Внутрь! – крикнул я дяде. – Серёжа может быть там.

До чего же я удивился, когда обнаружил, что Олег рванул к моргу быстрее, чем я. Сначала я решил, что дело в моей лихорадке – из-за неё мои движения замедлились. Но нет. Дядя бежал, игнорируя свою больную ногу.

Списывать на выброс адреналина точно больше не получится. С ним что-то не так. Он словно принял огромную дозу обезболивающих. Однако противовоспалительный порошок я ношу с собой. К нему у него доступа не было. Неужели он…

– Быстрее, чёрт подери! – прорычал Олег и вынес своей окаменевшей ногой дверь морга.

Я влетел в здание вслед за ним. Полноценного пожара, как выяснилось, не произошло. Дым валил из секционного зала. Вот только его источником было вовсе не горящее тело Сухорукова.

На полу между столами лежали обуглившиеся кости. Лучевая, локтевая и прилегающая к ним кисть.

Та самая рука патологоанатома, на которой ранее была огненная печать.

– Получил, ублюдок! – обрадовался Олег. – Ничего, кроме его ручонки жалкой, не осталось!

– Нет, дядь, – помотал головой я. – Сухоруков жив.

– Как это – жив? – не понял Олег. – Вот же его останки!

– Этот сумасшедший идиот отрезал себе руку, чтобы освободиться от печати, – осознал наконец я. – Похоже, его здесь нет.

Стоило мне это сказать, как за нашими спинами послышались шаги. Я решил, что это сотрудники амбулатории сбежались, чтобы тушить пожар. Но увиденное заставило меня не на шутку удивиться. Я потерял дар речи, осознав, что мы с Олегом попали в ловушку, спланированную патологоанатомом.

Трупы, что лежали на секционных столах, поднялись.

– Чтоб я сдох… – прошептал Олег. – Ты тоже это видишь, Алексей?

Теперь всё встало на свои места. К нам медленно приближались пять шатающихся тел, в груди которых скрывался ответ на мой вопрос. А точнее – подтверждение всех моих догадок.

В незашитом разрезе на их грудных клетках зияли два сердца. Одно мёртвое и одно активно бьющееся. Точно такие же, как у моего клеща Токса. Похоже, именно так в этом мире работает воскрешение человека. А точнее – создание ходячего мертвеца, зомби.

Антон Генрихович Сухоруков – некромант. Видимо, это именно он экспериментировал в лесах Владыкино и наслал на жителей мор – магический ящур. Это он – причина распространения некротики в Хопёрском районе.

– Дядя, отойди, – велел Олегу я и сделал резкий рывок вперёд.

А затем ударил левой ладонью первого мертвеца. Обратный виток был запущен, магия попыталась вырваться из моей руки, но…

– Не сработала? – прошептал я.

Теперь понятно. Обратный виток действует на живых существ, даже если они заражены некротикой. Но против восставших мертвецов он бессилен.

Я достал клинок и резким размахом срубил голову первому мертвецу. Дядя же оббежал остальных и повалил на двух зомби шкаф с инструментами.

– Уходим отсюда! – крикнул он. – Бежим, Алексей! Он просто тратит наше время.

В этот момент одно из окон морга разбилось вдребезги. К нам запрыгнул Илья Синицын. Остриё его сабли вонзилось в стоящего передо мной мертвеца. И тот сразу же, потеряв поддерживающее его некротическое ядро, рухнул на холодный пол морга.

– Беда, Алексей, – произнёс он. – Лучше вам с дядей убираться отсюда, да поскорее. Кораблёв решил, что ты – некромант.

– Что?! – воскликнул я, зарубив ещё одного зомби. – С какого перепугу ему пришла в голову эта чушь?

– Из-за того, что ты труп в подвале поднял! – ответил Синицын, продолжая прорываться сквозь врагов. – Как ты думаешь, не окрепнет ли его мнение, когда он увидит, что вокруг тебя в морге поднялось ещё пять человек?

Проклятье… Вдобавок ко всем моим проблемам присоединилась ещё и эта. Если наш главный лекарь что-то надумал, то просто так выгнать из его головы дурные мысли уже не получится.

– Да сдохни ты уже, наконец! – прорычал Синицын, замахнувшись на последнего мертвеца.

Мы одновременно зарубили оставшегося зомби, после чего у нас появилось немного времени, чтобы выдохнуть.

– Ещё Эдуард, будь он неладен, – пробурчал Синицын. – Он решил поддержать идею Кораблёва. Наплёл, что это именно ты создал тёмного лешего.

Ответить на это мне было нечего. Вряд ли Родников в сговоре с кем-то из моих врагов. Скорее всего, этот трус просто решил обезопасить себя. Решил, что я – некромант. А поверить в это не трудно, если учесть, что я сам подкинул окружающим несколько аргументов в пользу этой теории.

– Алексей, – Илья положил руку на моё плечо. – Во мне можешь не сомневаться. Я во все эти лживые россказни не верю. Но выглядишь ты так, будто сам только что из гроба вылез…

– Причина моего внешнего вида в другом, – ответил я. – Но я – лекарь, Илья. Остальное — лишь домыслы.

– Мне достаточно твоего слова, чтобы поверить, – кивнул он. – А теперь уходите. Я сам объясню Кораблёву, что здесь случилось. Кстати… А что здесь, собственно, произошло?

– Сухоруков, – коротко ответил я. – Это его рук дело. Мы с дядей отправляемся его искать.

И если я не приведу его к местным органам правопорядка, то не смогу доказать свою невиновность. Придётся взять Сухорукова живым.

– Спасибо тебе, Илья, – бросил коллеге я и рванул вслед за дядей, за пределы территории Хопёрской амбулатории.

Олег хоть и хромал, но двигался резво.

– Впопыхах не успел спросить, – произнёс я. – Откуда ты узнал, что именно Сухоруков похитил Серёжу? Кстати, как Катя? Ей-то он не навредил?

– Нет, она даже не в курсе, что случилось на самом деле, – заявил дядя. – Я проснулся первым и обнаружил, что в кроватке Серёжи уже нет. Там лежало только письмо от Сухорукова. Вот, прочти, – он протянул мне бумажный свёрток. – А Кате я соврал. Пришлось сказать, что к нам в амбулаторию приехали лекари из Саратова, и я отнёс мальчика, чтобы те его осмотрели. Ну… Наплёл про лекарские витки, якобы их должны откалибровать знающие маги. В общем, Лёша, нужно найти моего сына, пока Катя ничего не поняла. Не хочу, чтобы она снова переживала.

Это он хорошо придумал. Хотя решение спорное. Врать матери о судьбе её ребёнка… Скорее всего, я бы так не поступил. Пообещал бы Кате, что мы Серёжу найдём, но не стал бы лгать.

На бегу я развернул письмо Сухорукова и пробежался по нему глазами. Почерк был кривым, едва разборчивым. Очевидно, из-за того, что патологоанатом был вынужден писать левой рукой.

«Передай своему племяннику, чтобы живо дул к тропе между городом и Новохопёрским селом. Я буду ждать там до полуночи. Как только взойдёт луна, ребёнок умрёт».

– Вот ведь ублюдок… – прошипел я. – И как же он, спрашивается, определил, где вы живёте? Пошёл на такую низость, чтобы выманить меня!

– Скорее всего, этот псих следил за тобой. Лично или с помощью мертвецов, – ответил дядя. – Время на подготовку у нас ещё есть. Но его совсем немного. Нужно убедиться, что мы сможем вызволить Серёжу из его лап.

– А где это Новохопёрское село? – спросил я. – Далеко до него?

– Полчаса пешим шагом, – ответил дядя. – Оно к городу прилегает. От Хопёрска это село отделяет лесополоса, через которую и проходит тропа.

– Тогда поступим следующим образом, дядь, – произнёс я. – Ты беги к Кате, скажи, что Серёжу продержат до ночи или до завтра. Успокой её. Учитывая, как тяжело ей дался последний месяц, рисковать её здоровьем не стоит. А я загляну в наш особняк на часок. Попробую как-то замедлить своё… Ухудшение состояния.

А точнее – обращение в упыря.

Дядя лишь кивнул и побежал в сторону съёмной квартиры. Не стал что-либо говорить мне, но я уже смог прочесть его мысли по выражению лица.

Кажется, Олег был уверен, что я обречён. Но об этом мне уже говорил Василий Ионович Решетов. Пожилой лекарь уточнил, что лекарства от яда хопёрских упырей не существует. Но, возможно, я смогу найти хоть какую-то логику в патогенезе этого состояния. Лекарства нет, но я могу стать тем, кто его создаст. Только времени на это у меня слишком мало.

Я влетел в дом и сразу же спустился в подвал. Собрал все травы, которые были у дяди. Набор скудный, вряд ли мне удастся приготовить из всех этих корешков да сушёных листьев что-то стоящее.

Токс суетливо бегал вокруг меня. Клещ чувствовал, что я стремительно превращаюсь в монстра.

– Ж-жу, – жалобно протянул он и потёрся о мою ногу.

– А ты-то чего? – бросил ему я. – Не могу понять, откуда у тебя вообще берутся эмоции и способность мыслить. Ты ведь зомби-клещ, созданный Сухоруковым.

Токс фыркнул и, обидевшись, отвернулся.

– Прости, дружище, не хотел тебя оскорбить, – вздохнул я. – Из-за всех этих событий я словно сам не свой.

Очевидно, что Токс чем-то отличается от обычных зомби. В нём есть разум. Только откуда он взялся – большой вопрос. Возможно, что даже некромант не знает, что за диковинный организм он сотворил впопыхах.

Я собрался с силами и принялся активно искать способ поддержать своё состояние. Лихорадка, краснота глаз… Однозначно – в моём теле идёт генерализованный воспалительный процесс. Обратный виток для убийства микроорганизмов я уже использовал, но меня это не спасло.

Значит, слюна упыря как-то воздействует на нервный центр терморегуляции. Хотя… Есть и другой вариант. Возможно, что у упырей в целом температура тела выше, чем у людей, поэтому таким образом организм готовится к превращению.

Конечно! Но даже в таком случае лихорадит меня из-за воздействия на мозг. Как правило, высокая температура возникает только в двух случаях. Либо из-за инфекции, либо из-за нарушения работы этого самого центра. Но первый вариант я уже отмёл.

Значит, мне всего лишь нужно снизить температуру. Тогда обращение замедлится. А может, и вовсе прекратится – этого знать наверняка я не могу.

Я растворил созданный мной противовоспалительный порошок в кружке с кипячёной водой, а затем выпил ударную дозу своего экспериментального препарата.

Но этого может оказаться недостаточно. Я сделал глубокий вдох и положил правую руку на свой затылок.

«Пусть магия вольётся в мозг, найдёт гипоталамус и подавит работу центра терморегуляции. Температуру нужно снизить».

И уже через пятнадцать минут мне стало нестерпимо жарко, хотя ранее меня всего колотило от озноба. Похоже, получилось! Теперь окружающая среда кажется моему телу тёплой, но так даже лучше. Зато я подавил процесс обращения.

Единственный минус – из-за пониженной температуры меня будет беспокоить резко выраженная слабость. Но это уже мелочи.

Я усадил Токса в сумку и вышел на улицу. Решил, что клещ может мне пригодиться. Учитывая, как он умеет обездвиживать противников своим ядом, вполне возможно, что из него получится хороший козырь.

Дядя нагнал меня у выхода из города – там, где начиналась тропа через лес.

– Ну что? – спросил я. – Катю успокоил?

– Да, она в порядке, – кивнул он. – Паршиво на душе из-за того, что приходится ей врать. Но уж лучше так. Лучше скажи, как сам? Выглядишь, кстати, немного лучше.

– Замедлил обращение, но боюсь, что это ненадолго, – признался я.

А затем внимательно посмотрел на зрачки Олега. Они были огромными. Да и в целом его поведение весь день казалось мне странным. Дядя стал агрессивнее, сильнее и быстрее. Однако источал спокойствие. Будто судьба ребёнка его вовсе не тревожила.

Очень странно. Вряд ли в его кровь всё же попал яд упыря. Но разбираться с его состоянием мы будем после спасения Серёжи.

Мы вошли в лес и двинулись в сторону Новохопёрского села.

– Не хотел тебя расстраивать, племянник, но в городе нас тобой уже ищут, – заявил дядя. – Видимо, Кораблёв обратился в полицию. Вот ведь старый хрен! Наверное, усадить нас с тобой собрался. Меня за побои, а тебя за некромантию.

– За некромантию, говорите? – послышался сиплый голос из кустов за нашей спиной.

Хрустнули ветви, и из леса вышел Сухоруков. Бледный, как мел. Единственной левой рукой мужчина держал Сергея Мечникова.

– Ублюдок, – прошипел Олег. – Да я тебя…

– Тихо, – я остановил дядю, не дав ему ринуться на Сухорукова с кулаками.

– Всё, Антон, я здесь – перед тобой. Как ты и хотел, – произнёс я. – Отдавай Олегу ребёнка. Он уйдёт, и мы поговорим наедине.

– Мы уже разговаривали наедине, Алексей, но ты меня слушать не захотел, – пропел Сухоруков, покачивая спящего малыша. – Теперь придётся решать вопрос по-плохому.

– Что тебе нужно? Кольцо? – усмехнулся я. – Руку ты себе уже отпилил – теперь оно тебе без надобности. А касаемо обратного витка, никаких тайн в нём нет. Это – моя сила. И поверь, если ты сейчас же не отдашь ребёнка, мне придётся показать тебе её работу на практике.

– Какой же ты всё-таки глупый, Алексей, – вздохнул он. – Неужели ты до сих пор не понял, зачем я так страстно хочу узнать секреты твоей силы?

Из леса появилась толпа мертвецов. Силуэтов десять – не меньше. Они окружили нас со всех сторон.

– Пора выложить все карты на стол, – произнёс некромант. – Сейчас ты всё поймёшь.

Глава 2

– Ты что же, думаешь, что мне конкретно ты нужен, Мечников? – усмехнулся некромант. – Нет! Я хочу забрать твою силу. Извлечь магический центр из твоей груди и пересадить его себе. Вот и всё.

– Собрался сам себе провести операцию? – удивился я. – Сильно сомневаюсь, что без сил лекаря ты сможешь это сделать. Или мою лекарскую магию ты тоже собрался изъять?

– Она мне не нужна. Я – дуалист. Родился с двумя противоположными способностями. С лекарской магией и некромантией. Понимаешь, Алексей? В чём-то мы с тобой похожи, – произнёс Сухоруков. – Я ведь предлагал тебе сотрудничество. Ты даже представить себе не можешь, каких бы высот мы достигли вместе.

– Действительно, могу представить, если учесть, что ты собрался меня прикончить, вырезав магический центр, – усмехнулся я.

– Нет-нет, убивать тебя я не собирался. Мне хватило бы сноровки лишить тебя одной силы, сохранив при этом жизнь. Ну… А если бы не получилось, сделал б из тебя ходячий труп! В чём проблемы?

– Псих какой-то, – фыркнул Олег. – Нечего с ним разговаривать, Алексей. Ты послушай, что он несёт!

– Погоди, – шикнул я дяде.

Нельзя, чтобы Олег всё испортил. Мне нужно потянуть время. Подождать, пока Токс сделает своё дело. Он уже выбрался из сумки и ползёт через кусты к Сухорукову. Как только он его укусит, мы сразу же отберём ребёнка, а потом я приму бой. А пока он болтает, у нас есть время для манёвра. Заодно попытаюсь понять, чего добивается этот сумасшедший.

– Ты сказал, что мы могли с тобой достигнуть высот. Что ты под этим имеешь в виду? – поинтересовался я. – Понимаешь, Антон, я искренне не вижу связи между моим обратным витком и твоим успехом.

– Пойми, я ведь не просто патологоанатом, – улыбнулся он. – В первую очередь я – учёный. У меня есть теория, которую я хочу подтвердить. Думаю, если пересадить обратный виток магу, то его сила начнёт работать в обратном направлении. Не только лекарская. Понимаешь? Но и некромантия тоже.

Это всё ещё звучало нелогично, но я уже догадался, чем собрался промышлять Сухоруков. Создавать некротику, воскрешать нежить, а потом самостоятельно с ней справляться. Изгонять нечисть и снимать проклятья. И, разумеется, брать за это деньги.

– Хитро придумано, – кивнул я. – Только мне не ясно, зачем ты так усложняешь себе жизнь? Ты бы мог сконцентрироваться на лечении людей и зарабатывать огромные суммы, спасая больных.

– Тебе легко говорить, Мечников, – усмехнулся он. – Тебе-то с самого детства призраки не нашёптывают ужасы. Не пытаются свести с ума. А вот я их слышу постоянно. Представь, как было бы удобно убирать их обратной некромантией?

– Это лишь теория, – бросил я. – Не факт, что обратный виток срастётся с другой магией.

– Да, это рискованно, – согласился Сухоруков, а затем оскалился, изобразив безумную улыбку. – Так же рискованно, как и твой план.

Некромант резко развернулся и пнул носком сапога Токса. Тот отлетел в траву и затих.

– Ты что же, думал, что я не чувствую своё же творение? Он ведь точно такой же зомби, как и те, которых вы сейчас видите. Просто он по какой-то причине не хочет мне подчиняться! – заявил Сухоруков.

Всё, больше терпеть его болтовню я не собираюсь. Раз план с Токсом не сработал – пойду напролом. Может, обратный виток и не действует на мертвецов, зато на Сухорукове он должен сработать.

– Держи! – крикнул я и бросил дяде свою саблю.

Затем сорвался с места и рванул на Сухорукова. Между пальцев, которыми он держал ребёнка, блеснул скальпель. Но я собирался успеть.

Главное — вырвать из его руки Серёжу и после этого вступить в бой, уже не сдерживаясь.

Пока Олег набросился на стоящих рядом мертвецов, я подлетел к Сухорукову и понял, что времени практически не остаётся...

Некромант приложил к шее ребёнка скальпель. Повезло, что он был ослаблен из-за потери руки. Кроме того, управляться одной левой Сухорукову удавалось с трудом.

Я понял, что не успеваю. Не дотягиваюсь. Ещё секунда – и он ранит младенца.

И в одно мгновение всё резко изменилось. Мою левую руку пронзила адская боль, затем по ней пробежал магический импульс. Я стиснул зубы, чтобы не закричать.

Рука удлинилась. Сустав растянулся, кости стали больше, чем были. А из пальцев вырвались острые когти.

И этими когтями я рассёк Сухорукову грудь. Громко вскрикнув, некромант выронил младенца. Я тут же поймал своего двоюродного брата и прижал правой рукой к себе.

– Дядя! Срочно забери его! – прокричал я. – Забери и убегай! Направляйся в город. Вам лучше держаться от меня подальше.

Потому что левая рука уже стала упыриной. Такой же вытянутой, изменённой, как у Красногривовских монстров.

Олег отреагировал моментально. Выхватил у меня ребёнка и, хромая, прорвался сквозь стену мертвецов, зарубив нечисть моей саблей.

Не лгал дядя, всё же доводилось ему участвовать в дуэлях. Саблей он владеет очень даже неплохо.

– Это что ещё за дерьмо?! – вскрикнул Сухоруков, затягивая лекарской магией свои раны. – Мечников… Ты чего… Что у тебя с рукой?!

– Не получишь ты обратного витка, Антон, – улыбнулся я. – Вряд ли когда я стану упырём, он сохранится.

К моему удивлению, Сухоруков задрал голову и издал истошный вопль отчаяния.

– Да как же ты умудрился? Дал этим тварям себя укусить? – вцепившись в свои же волосы единственной рукой, пробормотал он. – Нет, это плохо. Очень плохо. Мне нужна твоя сила, я не могу её потерять! Иначе весь мой план пойдёт коту под хвост!

– Что ж, в таком случае придумай, как мне излечиться от этой заразы, – ответил я. – Второго лекаря с обратным витком ты днём с огнём не сыщешь.

Левая рука горела огнём. Похоже, принятые мной препараты сыграли свою роль. Я сдержал лихорадку, а потому пока что обратилась только одна рука. Если бы я не подготовился заранее, то уже давно бы стал упырём.

– Подожди, Мечников, – помотал головой Сухоруков. – Лучше меня Красногривовский лес не знает никто. Но даже я не имею ни малейшего понятия, как избавиться от этого недуга. Проклятье, ты будто назло мне позволил упырю себя укусить!

Я обернулся и убедился, что дядю на горизонте уже не видно. Видимо, он уже приближается к городу. А значит, можно больше не сдерживаться. Я сорвался с места и вновь налетел на врага. Сухоруков выставил вперёд левую ладонь и попытался прикрыться зарядом из некротики, но я пробил его защиту лекарской магией, а затем схватил патологоанатома за грудки одной лишь мутировавшей рукой.

Ко мне уже неслись мертвецы.

– Останови их, если хочешь жить, – приказал ему я. – Отмени свой приказ!

– Некроманты смерти не боятся! – хохотнул он. – Давай, Мечников! Прикончи меня. Кто знает? Может быть, я даже восстану из мёртвых?

Мне искренне хотелось избавиться от этого мерзавца раз и навсегда. Но он был мне нужен. Без Сухорукова я вряд ли смогу доказать властям, что некромантия в Хопёрске – это его рук дело.

Поэтому придётся притащить его в город силой. Живым, но обезвреженным.

Я бросил Сухорукова в наступающих мертвецов. Двух он повалил своим телом, а ещё двум мне пришлось вырвать некротические сердца вручную. Безумно это признавать, но рука упыря – штука удобная. Жаль только, что я не могу контролировать процесс обращения. В противном случае можно было бы избавляться от врагов даже без сабли!

Стоп, о чём я вообще думаю? Откуда эти кровожадные мысли? Видимо, яд упыря вновь берёт надо мной контроль.

Я избавлялся от мертвецов, а в моей голове активно циркулировали мысли. Что-то в этой болезни казалось мне неправильным. Кажется, я упускал какую-то важную мысль.

Нелогично... Процесс развивается слишком нелогично, даже если учесть, что зараза магическая. С одной стороны, я подавил распространение противовоспалительными, но тогда почему одна рука всё же обратилась так быстро?

Будто мой предыдущий ход одновременно и помог, и помешал болезни. Но почему?

– Чёрт с тобой, Мечников! – в отчаянии вскрикнул Сухоруков, осознав, что я прикончил всех его мертвецов. – Я ещё приду за тобой, будь уверен!

Некромант попытался сбежать, но потерял бдительность. И в этот момент на его лицо, издавая боевой жужжащий клич, запрыгнул Токс.

– Проклятый мана-клещ! Слезь с меня! – прокричал сопротивляющийся Сухоруков, но было уже поздно.

Когда Токс выплеснул ему на лицо яд, я уже добрался до некроманта и влил в его сонные артерии обратный виток. К счастью, он всё ещё мог проходить даже сквозь изменённую руку.

Магия вызвала кратковременный спазм сосудов, из-за чего Антон Сухоруков моментально потерял сознание. Вымотанный после тяжкого боя, я уселся на землю и провёл правой рукой по вспотевшему лицу. Токс мельтешил рядом со мной.

– Ты большой молодец, друг, – улыбнувшись, сказал ему я. – Если бы этот придурок снова сбежал… Не знаю, что бы в таком случае нам пришлось делать. Из-за него и так все Хопёрские леса в опасности. Неизвестно, сколько уже этот гад распространил некротики.

Забавно, но чем-то своим поведением Токс напоминал мне собаку. Будто не клещ, а верный пёс, который готов прийти на помощь в любую минуту. Не знаю, как работает некромантия, но, кажется, в зомби Сухоруков души не помещает. А в клеща какая-то душа точно попала. Казалось, что в его маленьком тельце есть настоящий развитый мозг.

Мозг…

И совершенно случайно этот ход мыслей привёл меня к невероятному умозаключению. Я понял, как работает обращение в упыря.

– Конечно же, Токс… – рассмеялся я. – Вот почему противовоспалительные так странно подействовали…

Я оказался на пороге открытия лекарства от обращения. И в первую очередь мне нужно помочь себе самому. Интуиция подсказывает, что жить мне осталось не больше часа. Если сейчас же не приступлю к делу, то так и останусь в этих лесах. Безмозглым сумасшедшим упырём.

– Токс, проследи, чтобы Сухоруков не пришёл в себя, – велел я. – Сбежать он не должен. Я попробую излечить себя от хвори.

Готов поклясться, что клещ только что кивнул, после чего убежал к телу Сухорукова и уселся на его спину. Это даже не собака. Он понимает каждое моё слово. Кого же ты засунул в тело насекомого, Сухоруков?

Я отполз к ближайшему дереву и использовал ствол как опору. Облокотился спиной о берёзу, затем положил правую руку на свою грудь и приступил к диагностике.

К сожалению, магия не позволяла мне изучить тело изнутри, но я мог прислушаться к собственным симптомам. Жуткая головная боль, вновь возрастающий жар, сильно тошнит. В глазах двоится, а чувствительность в конечностях постепенно исчезает.

Всё же моё первое впечатление не было ошибочным. В слюне упырей содержатся какие-то магические бактерии. Просто обитают они не в крови, а в головном мозге.

Это – нейроинфекция. Все симптомы говорят о том, что у меня менингоэнцефалит. Оболочки мозга и сам мозг воспалены. Именно поэтому мне стало легче после принятия самодельного «аспирина». Я снял все симптомы, которые вызвал микроорганизм, но при этом позволил ему быстрее распространиться.

Потому что воспаление является преградой для инфекции. А если воспаление снять – зараза захватывает организм быстрее.

Однако прямо перед тем, как приступить к лечению Сони Бахмутовой, я ударил по себе обратным витком, чтобы убить бактерии. Напрашивается вопрос, почему же инфекция не умерла? А ответ всё это время лежал на поверхности. Я влил агрессивную магию в кровь, а возбудитель заболевания уже пролез в мозг – за гематоэнцефалический барьер. За структуру, которая отделяет среду мозга от общего кровотока. Похоже, туда магия пробраться не смогла. Ведь я не дал ей такого приказа.

Только ситуацию это совсем не упрощает. Это значит, что мне предстоит вжарить обратным витком по своей же собственной голове. Действовать придётся аккуратно, иначе я не вылечусь, а просто-напросто прикончу сам себя.

Магия обратного витка полилась из чаши в тело, а затем по моей команде достигла мозга.

«Проникни в ликвор, убей всю заразу, что распространилась по нервной системе».

Моя вторая рука уже начала обращаться. Стопам в ботинках стало слишком тесно. Видимо, все конечности приготовились преобразиться. Ещё пара минут – и мне точно конец.

Однако процесс застопорился. Превозмогая жгучую боль в черепе, я довёл заклятье до конца. И тогда изменения в моём теле обратились вспять. Ногам снова стало комфортно в старых ботинках, а руки вернули себе прежнюю форму.

Но стоило мне добить все микробы в головном мозге, и силы иссякли. Я едва мог пошевелиться. Однако уже это можно было назвать победой! Сухоруков без сознания, я больше не становлюсь упырём, а Серёжа в руках Олега, несущегося к своей квартире. Осталось только прийти в себя и дотащить этого мерзкого некроманта до города. Сдать его властям и очистить своё имя.

Токс вскрикнул, пытаясь привлечь к себе моё внимание. Уже начало темнеть. Я увидел, как по тропе к нам кто-то приближается.

Не дадут полежать спокойно… А ведь я уже собирался выдвигаться назад – в город.

– Спрячься, Токс, – скомандовал я. – Тебя никто не должен видеть.

По тропе, освещая путь магическими лампами, к нам приближался отряд полицейских. Наверное, их вызвал дядя. Однако меня не покидало плохое предчувствие. Будто что-то вновь должно пойти не так.

– Во имя Грифона! – воскликнул один из полицейских. – Вы только посмотрите на этот кошмар… Сколько же здесь убитых? Унтер-офицер, вы это видите?

– Это не убитые, – ответил мужчина с магической лампой в руках. Похоже, именно он имел самое высокое звание в отряде. – Это восставшие мертвецы. А вот и их создатель…

Полицейский взглянул на меня.

– Попался, Мечников, – улыбнулся он. – Мы уж думали, что и не найдём тебя.

– Глаза разуйте, господа, – устало произнёс я. – Некромант лежит чуть дальше – на тропе. Я его обезвредил.

– Боги! Да это ж Антон Сухоруков! – воскликнул один из городовых. – Патологоанатом хопёрский. Вы гляньте, унтер-офицер! Ему Мечников руку оттяпал, как мы и думали.

Какую же они допускают ошибку… Болваны! Только бы они волю Сухорукову не дали. Если его отпустят – пиши пропало. Сил, чтобы помешать им, у меня нет. А если бы и были, я вряд ли стал бы вступать в бой с полицейскими. От этого точно никому пользы не будет.

– Значит так, – принялся командовать унтер-офицер. – Территорию оцепить. Ищите улики. Двое пусть берут Мечникова и Сухорукова. Тащим их в наш участок. Допросим обоих.

– А их точно не нужно в госпиталь, унтер-офицер? – спросил молодой городовой. – Кажется, они оба сильно пострадали.

– Обойдутся. Сами лекари, – хмыкнул полицейский. – Пусть посидят немного за решёткой. А дальше посмотрим по уликам.

– Вы ошибаетесь, – произнёс я, когда один из городовых нацепил на мои предплечья наручники. – Преступник – не я.

– А это уже суд решит, господин Мечников, – сказал унтер-офицер. – Титула у вас нет. Дворянином вы больше не являетесь, как, собственно, и ваш дядя. Следовательно, мы имеем полное право задержать вас обоих.

– Обоих? – не понял я. – Вы и Олега Мечникова взяли?

– Взяли-взяли, – кивнул полицейский. – Он ещё и сопротивление при аресте оказал. Так что с его дальнейшей судьбой теперь всё ясно. Пойман с поличным под действием запрещённого зелья. Нанёс урон одному из моих сотрудников.

– Ага, зуб мне выбил, ублюдок! – выругался городовой.

Под действием зелий? Неужели и дядю кто-то подставил?

Нет… К сожалению, нет. Я ведь заметил, что он с самого утра ведёт себя странно. Зрачки расширены, боль в ноге почти не чувствует. Двигается чуть ли не быстрее, чем я. Теперь понятно, почему его эмоции были притуплены. У него остались те зелья, из-за которых его изгнали из рода Мечниковых. Похоже, Олег закинулся этой дрянью, когда узнал, что Серёжу похитил некромант.

Проклятье! Если свою невиновность я ещё могу как-то доказать, то что теперь делать с дядей? С ним уже мы точно никак не выкрутимся. С одной стороны, я его понимаю. Перенервничал из-за произошедшего, сорвался, снова взялся за старое. Зависимость – это страшная болезнь. Чтобы от неё избавиться, нужна очень большая сила воли.

Знать бы ещё, какие вещества входят в эти зелья…

Нас с Сухоруковым притащили в хопёрский полицейский участок. Правда, самого патологоанатома увели в отдельную комнату, которая находилась в дальнем конце здания. Видимо, решили, что он – свидетель, а не преступник. Все грехи задумали свалить на меня.

Прежде чем загнать меня в камеру, городовые обыскали мою одежду и сняли с пальца огненное кольцо.

– Будьте с ним предельно аккуратны, – рекомендовал я. – Это – очень опасный артефакт. Спрячьте его и никому не показывайте.

– Без вас знаем, Мечников! – фыркнул мужчина. – Отправится к остальным уликам.

Одна проблема валится вслед за другой. Мне и так причислили все провинности Сухорукова, так теперь ещё и кольцо огненное обнаружили. Теперь в суде могут выкрутить всё так, будто это я наложил печати на знать Хопёрска. Но сразу сдать кольцо в полицию я не мог. Слишком уж был велик шанс, что оно вновь попадёт в ненадёжные руки.

Но что делать теперь? Если не смогу предоставить доказательств, меня отправят на каторгу. Или казнят. Вариантов немного.

– Лёша, и тебя, значит, схватили? – вздохнул Олег.

Я не сразу заметил, что дядя сидит в соседней камере.

– Здорово мы с тобой влипли, племянник. Ох и сильно же попали…

– Ты Серёжу успел Кате передать? Он в порядке? – спросил я.

– Представь себе, малец даже не проснулся, – грустно усмехнулся Олег. – Крепкие нервы у парня, не то, что у его отца.

– Ты что, правда… Снова сделал это? – намекнул я на зелья. – Городовые не врут?

Дядя долго молчал. Кроме нас в участке на данный момент никого не было. Один только пьяница лежал на скамье в камере напротив. Тишину нарушал только его храп.

– Да, Лёш, отчаяние и не к такому подталкивает, – признался Олег. – Утром, когда увидел эту записку от Сухорукова, я так рассвирепел! Захотелось этого урода собственными руками напополам порвать. А потом вспомнил, какую силу давали мне те зелья. А заначка-то осталась. На всякий случай, понимаешь? Хранил я их. Мне так было спокойнее. Вот и решил – подохну, за решётку сяду, но сына своего спасу. Но я и подумать не мог, что мы сюда вдвоём отправимся.

– Опрометчивое решение, дядь, – подметил я. – Серёжу я бы в любом случае спас. Только какой смысл ему расти без отца? Об этом ты не подумал?

– В тот момент я вообще ни о чём толком не думал, – вздохнул дядя. – Плохи наши дела, Алексей. Я слышал разговор городовых. Суд планируется уже завтра. Громкое будет дело. Весь Хопёрск придёт слушать. Двух Мечниковых разом ударят плетью закона! Ха!

– Я смогу доказать свою невиновность. А вот насчёт тебя придётся подумать.

– И свою невиновность ты не докажешь, – помотал головой Олег.

– Это ещё почему?

– Если городовые не врали, против тебя уже несколько человек дали показания. И все они – твои драгоценные коллеги. Лекари, чёрт бы их подрал! Кораблёв, Родников и, разумеется, барон Мансуров.

– А разве за ложь в суде не полагается наказание? – нахмурился я.

– Полагается, только они уверены, что поступают правильно. Думают, что сдали некроманта. Идиоты… Готов поспорить, что Владимир Мансуров будет давить на тот случай с дуэлью. Скажет, что ты его некромантией изувечил.

– Ничего, они и Сухорукова схватили. Выкручусь как-нибудь.

– Прости меня, Алёшка, это всё ведь из-за меня. И история с Кособоковым, и Сухоруков… Всё я виноват. Зря тебя отец сюда отправил.

– Успокойся! – велел я. – Не время унывать.

– Мечников! – крикнул городовой. – Не успели сесть, а к вам уже посетитель.

– К кому из нас? – спросил я.

Возможно, Катя пришла нас проведать?

– К вам, Алексей Александрович, – ответил городовой. – У вас пять минут. И настоятельно рекомендую – без глупостей.

Железная дверь распахнулась, и в коридор между камерами прошёл мужчина. В тусклом свете факелов я не сразу понял, кто пришёл меня проведать.

– Не ожидал, что в следующий раз мы встретимся с вами при таких обстоятельствах, Алексей Александрович, – прошептал гость, остановившись около моей камеры.

Моим посетителем оказался художник Шацкий.

– Какими судьбами, Анатолий Васильевич? – спросил я. – Решили заглянуть на последнюю консультацию?

– Нет, господин Мечников, – помотал головой он. – Я пришёл, чтобы помочь вам.

Глава 3

Я полагал, что на помощь к нам с Олегом придёт Синицын или очевидцы из Красных Гривок, которым захочется высказаться насчёт моей деятельности или деятельности Сухорукова.

Да и в целом рассчитывал выкручиваться самостоятельно, не полагаясь ни на чью помощь – это был мой основной вариант.

Но уж от кого я точно не ожидал подмоги, так это от художника Шацкого. С этим пациентом я пересёкся всего пару раз. Разгадал причину его заболевания и договорился о поставке трав, поскольку у него имелись полезные связи.

Но как художник может нам помочь в суде?

– Только не говорите, Анатолий Васильевич, что собираетесь организовать наш побег, – прошептал я.

– Нет, ни в коем случае, – помотал головой он. – Я – честный человек. Поэтому желаю, чтобы всё решилось согласно закону. Как только мне рассказали, что вас закрыли в участке из-за подозрения в некромантии, я сразу же ринулся сюда.

– Возможно, вы ещё не в курсе, господин Шацкий, – усмехнулся я, – но против меня даже мои коллеги пошли. Они искренне убеждены, что я – некромант, а не лекарь. Так скажите, почему же вы так уверены в обратном?

– Если не учитывать тот факт, что вы лично исцелили меня от недуга? – усмехнулся он. – Я видел, что происходило на той тропе. И я поклянусь перед судом о том, что говорю только правду. Дам магическую клятву. И расскажу, что видел.

– На той тропе? – удивился я. – Так вы были неподалёку от места моей битвы?

– Был, – кивнул он. – А что вас удивляет? Вы забыли, где располагается моя мастерская?

Точно… А ведь прямо в том лесу, ровно у окраины Хопёрска, Шацкий пишет свои картины. Мне уже приходилось там бывать, но под гнётом лихорадки и желания спасти Серёжу я совсем об этом забыл.

– Вы можете на меня рассчитывать, Алексей Александрович, – уверил меня Шацкий. – Поверьте, в Хопёрске уже насчитывается много людей, которые оценили ваш профессионализм по достоинству. Кто бы ни пошёл против вас, знайте – вы не один.

– Довольно! – вмешался городовой. – Как я и сказал – пять минут, не больше.

– Я приду на суд, – сказал мне на прощание Шацкий. – Подумайте, господин Мечников, какие ещё есть доказательства вашей невиновности. Мы вытащим вас отсюда.

После этого Шацкого увели. Приход художника стал для меня большой неожиданностью. Мне доводилось встречаться с благодарными пациентами в прошлой жизни. Некоторые приносили обычные подарки в виде варенья или коньяка. А другие обещали помочь с любыми проблемами, которые пересекутся с их профессиональной сферой. Юристы, политики, другие медики.

Но здесь, в этом мире, в Хопёрске… Такое произошло впервые. Не ожидал, что нам на выручку придёт художник.

Проблема только в том, что мою невиновность доказать возможно, поскольку я на самом деле не имею ничего общего с предъявляемыми мне обвинениями. А вот что делать с Олегом? Его состояние опьянения запрещённым зельем уже констатировали.

Стоп. Или нет? И могут ли вообще в этом мире констатировать подобное, не увидев лично, как человек употребляет подобный отвар? Лабораторных анализаторов-то здесь пока что нет!

– Дядь, мне нужно с тобой серьёзно поговорить, – произнёс я, когда городовой вернулся в свою комнату.

– Я уже догадался, о чём ты хочешь поговорить, – вздохнул он. – Прими мой совет, племянник. Доверься своему знакомому. Выберись отсюда, а обо мне забудь. Доказать мою невиновность уже не получится.

– О пристрастии к зельям мы с тобой позже ещё поговорим, – строго сказал я. – Но я не могу оставить Катю и Серёжу без главы семьи. Поэтому ответь на мои вопросы. Это важно.

– Ладно, – пожал плечами он и подошёл к решётке, чтобы видеть моё лицо. – Спрашивай.

– Почему ты думаешь, что твоё состояние уже не оспорить? – спросил я. – Городовые как-то это проверили? Тебя осматривал лекарь? Писал своё заключение?

– Э… Нет, – после короткой паузы ответил дядя. – Просто местной полиции уже известно, чем я увлекался в прошлом. Когда я попытался отбиться от них и воспротивиться аресту, они спросили, пил ли я эти зелья.

– И что ты ответил?

– Да в порыве ярости крикнул, мол… «Да! И что с того?!», – признался Олег.

– То есть они установили этот факт с твоих слов? – уточнил я. – Ну и додумался же ты ляпнуть!

– Да ты представляешь, как я переживал в тот момент? Я был готов убить кого угодно, лишь бы спасти сына! – воскликнул дядя.

– Ладно, только не кричи, – шикнул я. – Ты пойми, я ж тебя прекрасно понимаю. Просто моя задача – вытащить нас обоих.

– А как ты теперь это сделаешь? – хмыкнул он. – Я уже признался во всём. Хоть и не специально. Меня не оправдать.

– Подожди, не спеши, – попросил его я. – Лучше послушай, как нам лучше всего поступить. На суде ты скажешь, что сказал это из-за нахлынувших эмоций. Другими словами, солгал. Хотел спасти сына, а потом был готов навредить даже сам себе. Лучшая ложь содержит в себе частичку правды. Понимаешь, о чём я?

– И ты думаешь, что это сработает? – с сомнением спросил Олег. – Ох и не уверен же я в этом, племянник.

– Смотри, у тебя всего одно нарушение. Но отбрехаться от него мы можем. Со мной всё куда сложнее. Придётся собрать воедино все улики.

– А если лекаря приведут? Одного из твоих коллег? – спросил дядя. – Кораблёв меня из принципа завалит. После того, как я ему вчера морду набил…

Чёрт! А ведь это тоже будет использовано в суде. Уж этот факт мы никак не оспорим. Кораблёва избили при свидетелях. В его собственной амбулатории.

Хотя от этого нарушения можно ожидать лёгкого наказания. Штрафа, к примеру. Деньги – не проблема. Запас у меня есть, а если понадобится больше – заработаю. В амбулатории или вне её стен.

В первую очередь нужно сконцентрироваться на опровержении причастности к некромантии. Потому что за это дело меня точно осудят по крайне серьёзной статье. Каторга или смерть. Другого не дано.

Я решил прилечь на скамью и отдохнуть. Мне хотелось поразмышлять над предстоящим судом наедине с собой. Однако меня прервал вошедший унтер-офицер.

– Господин Мечников, – поприветствовал меня он. – Доброе утро.

Утро? Нас ведь доставили сюда вечером… Неужели прошло так много времени?

– Как я могу к вам обращаться? – спросил полицейского я.

– Для вас я - унтер-офицер Сапрыкин. Или господин Сапрыкин. Как вам будет удобно, – спокойно произнёс он.

В его голосе звучали нотки отвращения. Сапрыкин, похоже, испытывал искреннюю неприязнь ко мне и к моему дяде.

– В таком случае и вам доброе утро, господин Сапрыкин, – ответил я. – В связи с чем желаете моей компании?

– Я пришёл сообщить, что суд над вами и над вашим дядей – Олегом Мечниковым – решили не откладывать. Он состоится сегодня. Ровно в полдень. У вас всего четыре часа, чтобы собраться с мыслями. Надеюсь, вы примете свою судьбу достойно.

– Конечно, – кивнул я. – Моя судьба – служить лекарем. Я уже давно её принял.

Сапрыкин тихо рассмеялся. Почти что беззвучно.

– Вижу, что наглость в крови у всех Мечниковых, – произнёс он. – Что вы, что ваш дядя… Ведёте себя так, словно закон писан для кого угодно, но только не для вас.

– Осуждать – это не ваша обязанность, – перебил его я. – Так что советую закрыть свой рот. В противном случае, когда меня оправдают, мне придётся вызвать на дуэль унтер-офицера. За оскорбление своей семьи. А мне этого делать очень не хочется.

Сапрыкин скрипнул зубами. И этот звук оказался куда громче его смеха. Кажется, даже спящий алкаш из камеры напротив проснулся, услышав этот мерзкий звук.

– Ох, с каким же удовольствием я повезу вас в Саратов – на казнь, – шумно выдохнул Сапрыкин. – Во Владыкино были мои родственники. Умерли от этой поганой заразы, которую вы распространили. Я бы очень хотел лично перерезать вам глотку, но погоны не позволяют. У меня, в отличие от вас, есть честь и вера в законы Российской Империи.

– Я искренне вам соболезную, – спокойно ответил я. – Если бы я прибыл во Владыкино раньше, ваши родственники были живы. Однако у меня тоже есть честь. А потому я бы не советовал клеветать на человека, который вместе с другими лекарями спас целое село.

– Ограбил целое село, – прорычал Сапрыкин. – Вы наслали мор, а потом собрали деньги с бедных людей.

– А тут все вопросы к законам Российской Империи, – пожал плечами я. – Лекарские услуги пока что не бесплатные. Раз вы уважаете законы, то не должны называть это грабежом.

Больше спорить со мной Сапрыкин не мог. Он со всей дури ударил по решётке кулаком и напоследок бросил:

– Надеюсь, что смерть ваша будет мучительной, Мечников.

Сказав это, унтер-офицер покинул подвал участка, оставив заключённых и меня в том числе наедине с собой.

Заносчивый засранец – этот Сапрыкин. Однако даже его я могу понять. Когда все влиятельные люди города кричат, что я – некромант, сложно противиться эмоциям.

У меня осталось всего четыре часа, чтобы вспомнить все детали. Воссоздать в памяти события последних двух недель. Я упорно искал каждую зацепку, которая поможет очистить моё имя. И обнаружил несколько неоспоримых доказательств вины Сухорукова.

Должно получиться. Я смогу выбраться отсюда и дядю с собой заберу!

Когда до полудня остался всего один час, я услышал справа от себя грохот. Олег упал со скамьи и начал биться в конвульсиях.

– Дядя, ты чего? – прильнув к решётке, крикнул я.

Однако Олег не мог произнести ни слова. Его трясло так, будто к его телу прислонили оголённый провод. Неужели это из-за зелья? Синдром отмены? Своеобразное похмелье?

Проклятье… Мало того, что в таком состоянии ему точно дадут срок. Он может вообще не дожить до суда! Его припадок чем-то напоминает эпилепсию. Судороги. Если всю мускулатуру тела спазмирует, то велик риск, что и дыхательные мышцы попадут под раздачу. И тогда он задохнётся.

– Дядя! Живо! – велел я. – Ползи сюда. Ко мне! Соберись, пожалуйста! Подкатись к решётке!

Однако он не реагировал. Олег видел меня и слышал, что я говорю. Но не мог взять своё тело под контроль.

– Хе-хе, – усмехнулся синелицый мужчина из камеры напротив. – Кажется, всё. Доигрался твой дядюшка. У меня так сват копыта отбросил. Мучительная смерть…

– Замолчи! – рявкнул я и протянул руку к дяде. – Давай, соберись же! Я не хочу заботиться о твоей семье вместо тебя! Я их не брошу, но заменить Серёже отца всё равно не смогу!

Услышав имя сына, Олег особенно сильно вздрогнул. И, кажется, это было сделано намеренно. Его тело откинуло от скамьи, дядя подкатился к решётке, и я смог дотянуться до него своей рукой.

Лекарская магия у меня ещё осталась. Я смогу помочь ему. Одна проблема – я ведь понятия не имею, из чего состоят эти знаменитые запрещённые зелья? Скорее всего, существует целый перечень этой дряни. И что на деле они из себя представляют? Успокоительные? Психостимуляторы? Спирт? Наркотики? Или всё вместе, да ещё и магическое?!

Проклятье! Угораздило же моего дядю воспользоваться этой мерзостью! Лучше бы сразу рванул ко мне.

Однако одно мне ясно точно. У Олега судороги, а значит, мне нужно расслабить его мускулатуру. Я коснулся правой рукой его запястья и послал в тело дяди поток лекарской магии. За ночь она успела немного восстановиться.

«Проникнуть в мышцы, разорвать связи между волокнами, снять напряжение».

Но это лишь для начала. Источником любых судорог чаще всего является центральная нервная система. Уверен, что очаг находится где-то там – в головном мозге. Жаль, многотонного аппарата МРТ нет под рукой! Сейчас бы живенько определили, где возник патологический очаг.

Ладно, можно надеяться, что магия сама найдёт путь к нему. Я отдал второй и последний приказ:

«Улучшить кровоток в головном мозге. Проникнуть в кору больших полушарий и убрать вспышку электрических импульсов».

Я понимал, что этого недостаточно, чтобы полностью убрать приступ. Однако дядя перестал трястись, сделал глубокий вдох, а затем потерял сознание.

В таком состоянии он пролежал чуть больше получаса. Но хотя бы здесь судьба оказалась на нашей стороне. Он смог подняться за пять минут до прибытия полицейских.

– Всё, господа Мечниковы! – улыбнулся городовой. – Унтер-офицер Сапрыкин приказал вести вас в здание суда. Вот так представление намечается!

Могу себе представить. В таком маленьком городе, как Хопёрск, даже любой лживый слух о чьей-то измене становится настоящим событием. А уж суд, наверное, развлечение похлеще любого концерта или кино из моего прошлого мира.

Нас вновь заковали в наручники и вывели из участка на солнечный свет. Я прищурился, испытав жжение в глазах, а вслед за этим – боль в затылке.

– Ну что, Алексей? – прошептал мне дядя. – Вот и всё. Скоро наша судьба решится.

– Ты как себя чувствуешь? – поинтересовался я.

– Будто я – брусчатка напротив императорского дворца, – усмехнулся Олег.

– В смысле?

– По мне солдаты всю ночь маршировали. Не щадя ни своих ног, ни моей дурной головы, – отшутился он.

Однако Олег выглядел куда лучше, чем вчера вечером. Размер зрачков восстановился. На смену бледности пришла краснота. Видимо, мышцы налились кровью после судорог. Это к лучшему. Если не слушать его жалобы, может показаться, что мужчина в полном порядке. А именно его внешний вид нам сейчас особенно важен.

Жители Хопёрска смотрели нам вслед. Но лишь немногие. На улице почти не осталось людей. Похоже, самые любопытные уже успели пропихнуться в здание суда. Сложно даже представить, сколько в зале будет человек.

Городовые провели нас через чёрный ход большого двухэтажного здания. И вскоре мои предположения подтвердились. В зале суда были сотни людей. Настоящий цирк решили устроить! А мы с Олегом вместо клоунов. Вопрос только в том, где проклятый Антон Сухоруков?! Его ведь тоже должны были привести сюда как обвиняемого.

Однако всё оказалось не так, как я надеялся. Нас подвели к столу, что стоял напротив судьи в левой половине зала. И это была сторона обвиняемых.

Только тогда, усевшись на своё место, я увидел злобную ухмылку некроманта Сухорукова. Он находился на противоположной стороне зала. Не прикованный, мирно сидящий на месте свидетелей рядом с Кораблёвым, Родниковым и Мансуровым. Странно только, что Синицына там не было.

– Лёша! – шикнул знакомый голос за моей спиной. – Не оборачивайся. Это я.

А вот и Илья Синицын. Значит, пришёл всё-таки.

– Сделай вид, что меня не слышишь, – попросил он. – Я хочу тебя предупредить. Ситуация вышла из-под контроля. Я искал вам адвоката. И нашёл. Но барон Елин не позволил вам воспользоваться его услугами.

Вот же ублюдок! И это после того, как я исцелил его дочь! А ведь я даже не знаком с местным правителем лично. Интересно получается. От давления Кособокова он избавился, но преступные привычки всё равно остались.

В зал вошёл мужчина в чёрном мундире. Он был стар, однако в его глазах мне виделся здоровый ум. Хороший взгляд, мудрый. Похоже, это и есть судья. Остаётся надеяться, что хотя бы он свободен от давления дворянских семей. В противном случае, нам точно не оправдаться.

– Я выступлю на твоей стороне, Алексей, – впопыхах прошептал Илья. – Но защищать свои интересы без адвоката должен ты сам.

– Тишина в зале суда! – прокричал старик, стараясь утихомирить шумящих граждан Хопёрска. – Девятое за этот год судебное заседание объявляется открытым.

Эх, жаль у местного судьи нет этого классического молотка. Его функцию старику приходится замещать силой голоса.

Когда в зале наступила гробовая тишина, судья заговорил:

– Для тех, кто не в курсе, моё имя Константин Викторович Устинов, – представился он. – Хопёрский судья. Сегодня проводится совмещённое заседание. Будет рассматриваться дело Алексея Александровича Мечникова, который обвиняется в некромантии, грабеже и причинении тяжких телесных повреждений нескольким присутствующим пострадавшим. А также дело Олега Сергеевича Мечникова, обвиняемого в употреблении зелий, входящих в перечень запрещённых императорской коллегией алхимиков. Оба дела, судя по предоставленным мне показаниями, тесно между собой связаны, поэтому будут рассматриваться одновременно.

Интересно, кому это я причинил тяжкие телесные? Сухорукову? Или же барону Мансурову? Аж самому интересно узнать.

– Слово предоставляется унтер-офицеру Юрию Константиновичу Сапрыкину, – произнёс судья Устинов. – Он выступит как представитель стороны обвинения. Поскольку именно он стал свидетелем места преступления.

– Благодарю, ваша честь, – кивнул Сапрыкин и поднялся из-за стола. – Буду краток, изложу лишь основные факты. В начале прошлого дня главный лекарь Кораблёв Иван Сергеевич вызвал моих людей с помощью кристалла вызова, поскольку в амбулатории, по его словам, произошёл серьёзный конфликт. Как оказалось, горел морг.

Следующие несколько минут Сапрыкин, Кораблёв и Родников во всех подробностях рассказывали о моей способности воскрешать мёртвых. Высказали предположения, что я взял Сухорукова в заложники и лишил его конечности. Даже умудрились вывернуть всё так, будто патологоанатом не пришёл на работу, поскольку я держал его в морге связанного и израненного.

Антон Сухоруков подтвердил все эти слова.

– Протестую, ваша честь, – как можно громче произнёс я.

– Вам слова не давали, господин Мечников, – пресёк мою попытку судья. – Вы не озаботились тем, чтобы нанять адвоката, поэтому говорить будете только тогда, когда я дам вам слово.

– Это ложь, – твёрдо произнёс я.

– Я сказал, чтобы вы… – рассвирепел Устинов.

– Это ложь! – заорал Синицын из-за моей спины. – Я нанял Мечниковым адвоката, но его не допустили до зала суда! Из этого следует вывод, едва ли уважаемые, что обвиняемых притесняют. Дело сфабриковано.

– Как это – не допустили адвоката? – не понял судья. – Что ещё за чушь?! Назовите своё имя!

– Илья Андреевич Синицын, – представился мой коллега.

– Ах, Синицын, – кивнул судья. – Я вас помню. Знавал вашего отца. Так поясните же мне, как так вышло, что адвоката не допустили до здания суда?

– Об этом следует спросить барона Елина, который, разумеется, отсутствует на нашем слушании. Видимо, ему больше нравится дёргать за ниточки из тени, – продолжил Синицын.

– Довольно! – воскликнул судья. – Вы бросаетесь красивыми словами вместо того, чтобы внятно разъяснить ситуацию. Если продолжите в том же духе, мне придётся выгнать вас из зала, Илья Андреевич.

Синицын сделал глубокий вдох. Похоже, внутри Ильи кипела горючая смесь из эмоций, которые он практически не мог в себе удержать.

– Прошу прощения, ваша честь, – вздохнул он. – Тогда чтобы не быть голословным, скажу лишь один факт. Адвоката Мечников был лишён намеренно. Следовательно, Алексей Александрович имеет полное право высказывать своё мнение, не дожидаясь, когда ему дадут слово. Если же в этом ему будет отказано, мне придётся обратиться в главный Санкт-Петербургский суд, чтобы признать всё это заседание недействительным.

Мы с Ильёй почти с самого начала были в хороших отношениях, но я и подумать не мог, что он станет так яростно меня защищать. Уж не знаю, что им управляет. Жажда наживы или дружеские чувства – это уже не важно. Главное – я искренне благодарен ему за помощь.

– Что ж, господин Синицын, ваше замечание принимается, – кивнул Устинов. – Я позволяю Алексею Александровичу высказываться в свою защиту и в защиту своего дяди.

– Протестую! – воскликнул унтер-офицер Сапрыкин.

– Решение принято и обжалованию не подлежит, – пресёк попытку Сапрыкина судья. – Что ж, господин Мечников, вы, кажется, хотели что-то сказать. Я даю вам слово.

Устинов явно не верил, что я смогу хоть как-то объяснить свою позицию. Синицын прижал его угрозой – доложить в столицу. А для любой организации в маленьком городе это весомая опасность.

Я поднялся и неспешно рассказал всю историю от самого начала и до конца. Всё это время Сухоруков лишь молча смотрел на меня, но в глазах мужчины не было страха. Кажется, он был уверен, что мне никто не поверит. Что у меня нет доказательств. Однако они у меня были.

– В кармане моего пиджака находилась записка с угрозой, – сказал я. – Её изъяли в полицейском участке вместе с кольцом Арсения Георгиевича Кособокова.

– Записку я получил, – кивнул судья. – И сравнил её с почерком Сухорукова. Однако ничего общего там не обнаружил.

– Должно быть, вы сравнивали с почерком из его старых заключений, – подметил я. – Рекомендую заметить, что у Антона Генриховича одна рука. Ему было сложно писать…

– Я сравнивал с новыми записями, которые он предоставил нам буквально час назад. Сухоруков – левша. И почерк в записке сильно отличается от того, что было предоставлено в записке.

Левша? Я взглянул на патологоанатома и увидел самодовольный блеск в его глазах.

Он всё это подстроил… Он написал записку до того, как отрезал себе руку. Сухоруков написал её правой, чтобы запутать и меня, и следствие. Проклятье… И ведь я уже никак не смогу доказать обратное!

– Ваша честь, – послышался голос художника Шацкого. – Вынужден к вам обратиться.

Я уж думал, что он не появится. Сложно было найти его среди присутствующих в зале.

– Запрещаю, – перебил его Устинов. – Вы не входите в число официальных свидетелей.

– Однако я им являюсь, – не согласился Шацкий. – И я готов дать магическую клятву.

И эта фраза изменила всё. Весь зал затих. Даже Устинов замолчал, прислушавшись к художнику. Похоже, магическая клятва много значила в местной судебной системе. Вопрос только в том, почему ей никто не воспользовался сразу?

– Господин Шацкий, вы осознаёте, что, дав магическую клятву, вы умрёте, если хотя бы чуть-чуть отклонитесь от правды? – спросил судья Устинов.

– Да, ваша честь. Осознаю, – кивнул он.

– И вы осознаёте, что магическая клятва является правом любого гражданина, но не может считаться обязанностью? – уточнил Устинов.

– Осознаю, ваша честь, – кивнул Шацкий.

– Тогда я тоже дам магическую клятву вместе с господином Шацким, – произнёс я. – И если мы солжём, то примем смерть вместе.

И в этот момент лицо Сухорукова помрачнело.

Рискованный шаг, но я готов поставить на кон всё!

Глава 4

Наше с Шацким заявление полностью переломило ход судебного процесса. Если поначалу судья Устинов полагал, что я лишь показываю дерзость и пытаюсь обмануть окружающих, чтобы обрести свободу, теперь, судя по его взгляду, у него зародились сомнения.

Почему бы просто было не показать свой источник? Всё просто: лекарские чаши видят только сами лекари, у остальных магов – магические ядра. А чтобы проверить их, нужен специалист из большого города, который никогда не поедет в такую глушь.

– Самоубийцы! – усмехнулся Сухоруков. – Как изувеченный патологоанатом, я бы порекомендовал отказать им в этом решении. Мне же потом придётся вскрывать их трупы, а я ещё не успел восстановиться после ранения.

– Нет, Антон Генрихович, – помотал головой Устинов, – это их право. Если они готовы умереть за свою правду, то по законам Российской Империи я не могу им в этом отказать.

Анатолий Шацкий поравнялся со мной и шёпотом произнёс:

– Мне придётся рассказать всё, понимаете?

– На это я и рассчитываю, – дал ответ я.

Художник шумно выдохнул, стараясь справиться с напряжением, и прошёл к судье. Я прекрасно понимал, что он имеет в виду. Он не может утаить всех деталей события, которому он стал свидетелем. А там не только Сухоруков отличился своими неординарными способностями.

Я ведь превращался в упыря в этой битве. Шацкий точно видел мою руку. И если он не расскажет об этом судье, то точно умрёт.

Хотя я не знаю, как работает магическая клятва. Имеет смысл сначала посмотреть, как ею пользуется художник, а после повторить за ним эти действия.

Я краем глаза взглянул на Кораблёва и остальных лекарей. Иван Сергеевич был в замешательстве. Похоже, старик совсем запутался в происходящем.

Да и Сухоруков уже начал суетиться. Никто даже предположить не мог, что мы решимся воспользоваться этой клятвой. Видимо, её дают очень редко. И это неспроста. Похоже, что условия этого магического ритуала крайне жёсткие и погибнуть может даже человек, который говорит правду. Если вдруг он обронит неточность или умолчит о чём-то.

Шацкий преклонил колено перед судьёй, положил руку на грудь и произнёс:

– Я, Анатолий Васильевич Шацкий, пользуясь своим законным правом, даю магическую клятву, что буду свидетельствовать правду и только правду и не утаю ничего. Делаю это добровольно, и в случае, если клятва будет мною нарушена, мои магические ядра будут разорваны, а я встречу смерть.

– Клятва принимается, Анатолий Васильевич, – кивнул судья. – А теперь расскажите нам, что вам известно об инциденте с Мечниковым и Сухоруковым.

Я заметил, как сильно Шацкий вспотел. После прочтения клятвы не было каких-либо магических вспышек или других признаков сотворения заклятья. Но атмосфера в зале определённо изменилась. Прямо сейчас художник сильно рисковал своей жизнью.

– Я видел, как Сухоруков нёс младенца в лес, – произнёс Шацкий. – Видел, как они столкнулись с Мечниковым, и как некромант призвал мертвецов.

– Да кто из них некромант, Анатолий Васильевич? – нахмурился судья. – Мечников или Сухоруков.

– Сухоруков. Мертвецы подчинялись ему.

– Это ложь! – закричал патологоанатом.

– В таком случае почему же он до сих пор жив, Антон? – бросил я.

– Очевидно, Шацкий как-то обманул клятву. Вы это подстроили! – принялся восклицать он.

– Отнюдь, Антон Генрихович, – произнёс Устинов. – Магическую клятву обмануть нельзя, и все здесь присутствующие прекрасно это знают. Унтер-офицер Сапрыкин, будьте так любезны, закуйте Сухорукова до выяснения обстоятельств.

Сапрыкин изменился в лице. Пару часов назад он поливал меня грязью за причинённый ущерб жителям Владыкино, а теперь выясняется, что всё это на самом деле сделал Сухоруков.

– Не смейте! – закричал патологоанатом. – Даже не прикасайтесь ко мне, никаких доказательств нет!

– А ну живо заткнулся! – прорычал унтер-офицер, надавил на Сухорукова коленом и приковал его единственную руку к своей. – Продолжайте, судья!

– Стойте! – вмешался барон Мансуров. – В словах господина Сухорукова есть смысл.

Ой, Володя, уж ты бы молчал! Всё никак не отделается от позора, которому подвергся на нашей дуэли. Надеется, что доказав мою причастность к некромантии, его тут же перестанут считать подлым слабаком.

– Вы же понимаете, Константин Викторович, – обратился Мансуров к судье, – господин Шацкий мог неправильно интерпретировать увиденное. Возможно, что ему просто показалось, будто мертвецы слушаются Сухорукова, хотя на самом деле они подчинялись Мечникову. То есть фактически он не лжёт. Просто верит, что говорит правду.

– Интересное замечание, барон, но к данной ситуации оно не применимо, – заявил судья. – Тем и опасна магическая клятва. Даже если человек верит, что говорит правду, магия всё равно накажет его за лжесвидетельство. Давайте чтобы уж ни у кого не осталось сомнений, Анатолий Васильевич, повторите. Кто призвал мёртвых?

– Сухоруков, – вновь сказал он, с трудом выдавив из себя слова.

– А не имеем ли мы дело с двумя некромантами сразу? – нахмурился судья. – Какой магией обладает наш подсудимый Алексей Мечников?

– Подождите! – прервал их разговор я. – Господин Шацкий, не отвечайте.

– Алексей Александрович, вы мешаете моему диалогу со свидетелем, – насупился Устинов.

– Он умрёт, если попытается ответить на этот вопрос, – заявил я.

Если магическая клятва действительно действует так, как описали остальные зрители, небольшая неточность прикончит Шацкого. Он скажет, что я владею только лекарской магией. Но это – неправда.

Видимо, мне придётся раскрыть наличие обратного витка. Но это – меньшая из моих проблем. Обратный виток, в отличие от некромантии, не запрещён. Просто им владеет абсолютное меньшинство лекарей.

– Позвольте мне самому продолжить дачу показаний, – сказал я.

Устинов удовлетворительно кивнул, а Шацкий с благодарностью взглянул на меня и поднялся с колен. Его трясло. Ещё бы, так рискнуть! И ради кого? Ради едва знакомого лекаря, который всего лишь поставил ему правильный диагноз?

Художник оказался сильной личностью. Далеко не каждый способен пойти на такое.

Я прочёл ту же клятву, что и Шацкий. Время заучить её наизусть у меня было. А затем поведал присутствующим всё – от начала и до конца.

– Кроме классической лекарской силы, я также владею и обратным витком, который Сухоруков возжелал получить, чтобы использовать в своих целях. Потому и охотился за мной, – закончил я.

– Погодите, вы только что упомянули в своей истории, что… – осёкся Устинов. – Мне послышалось, или вами было упомянуто о превращении в упыря?

– Абсолютно верно. Как видите, я говорю об этом под клятвой, а значит – это чистая правда, – кивнул я.

– Значит, вы и сейчас можете в любой момент обратиться? – напрягся Устинов.

Я заметил, как Сапрыкин жестом показал своим городовым, чтобы те были наготове.

– Нет, опасности больше нет. Я нашёл способ лечения этой болезни, – сказал я.

Устинов и присутствующие в зале лекари зажмурились. Видимо, решили, что я наконец-то солгал, и теперь меня разорвёт на кусочки моим же собственным магическим центром.

Однако ничего не случилось.

– Немыслимо! – ввязался в наш разговор Кораблёв. – Мечников, вы нашли лекарство от обращения в упыря?

– Не лекарство, а схему лечения, – поправил его я.

– Мой сын так и не вернулся из Красногривовского леса! – крикнул кто-то из толпы зрителей.

– И мой муж! – послышался женский крик. – Охотники говорили, что он стал упырём! Нам нужно это лекарство, вы не можете посадить Мечникова!

В зале начался балаган. Устинов поднялся со стула, а затем изо всех сил ударил кулаком по столу.

– Тишина в зале суда! – проревел он. – Проблема распространения упырей и способы лечения от этой болезни будут обсуждаться, но не здесь и не сегодня. Этим должны заняться лекари и силы барона Елина. А касаемо заключения Алексея Мечникова…

Устинов прокашлялся и сел на своё место.

– Вопросов к вам, Алексей Александрович, у меня больше нет, – заключил он. – Все обвинения с вас сняты. Но, благо, в зале есть человек, который должен ответить за содеянное.

Он злобно зыркнул на Сухорукова.

– Благодарю, ваша честь, – улыбнулся я и собрался уже вернуться на своё место, но Устинов не дал мне этого сделать.

– Стойте, Алексей Александрович, – произнёс он. – Ваше дело закрыто, но пользуясь моментом, я бы хотел задать вам пару вопросов насчёт вашего дяди. Пока ещё действует магическая клятва.

Чёрт подери… А вот это плохо. Свою историю я изложил от начала и до конца, и мне не пришлось лгать. Однако с дядей всё сложнее. Я не могу сказать, что зелий он не употреблял. Но рискнуть его свободой?

Не думал, что судья решит воспользоваться моей клятвой и в деле Олега.

Но я знаю, как выкрутиться из этой ситуации. Однако придётся рискнуть.

– Что ж, задавайте свои вопросы, – кивнул я. – Всё-таки я сам вызвался выступать в качестве защитника своих и его интересов. Мне и отвечать.

– Скажите, Алексей Александрович, ваш дядя действительно употреблял запрещённые зелья? Ущерб, который был нанесён Ивану Сергеевичу Кораблёву, был спровоцирован действием отваров?

В моей груди что-то загорелось. Такого я ещё не испытывал. С ума сойти, будто и сам в любой момент инфаркт перенесу! Видимо, это магия клятвы. Она чувствует мои сомнения.

Но правильный ответ может быть только один.

– Я никогда не видел, как мой дядя употребляет зелья, – произнёс я. – Поэтому в качестве свидетеля выступить не могу. Однако он сам сегодня утром упоминал, что потеря сына спровоцировала его на приём вещества. Это всё, что мне известно.

А теперь ход за тобой, дядя. Всё, как мы обсуждали. Главное, чтобы он не облажался. Мы всё ещё можем выбраться отсюда оба.

– Достойный ответ, – кивнул судья. – Олег Сергеевич Мечников, вам слово.

Дядя медленно поднялся. Пока городовые снимали с меня наручники, Олег произнёс:

– Я и без клятвы дам чистосердечное признание. Я выпил триста миллилитров стимулирующего зелья. И готов понести за это наказание.

Да что же он творит?! Мы же договаривались, что он всё спишет на стресс. Скажет, что давно завязал с этим делом… Мы с Синицыным как лекари могли бы это подтвердить.

– Рад, что вы не стали растягивать судебный процесс, – поблагодарил Олега Устинов. – Мне известно, что в прошлом вам уже выносилось предупреждение. Однако вы проигнорировали его и повторили это преступление. Хотя прошлым заседанием суда вам рекомендовали пройти лечение.

– Константин Викторович! – вскочил со своего места Иван Сергеевич Кораблёв. – Ваша честь… Я могу рассказать вам кое-что ещё об этой ситуации.

Только этого не хватало! Уймись же, Кораблёв, моего дядю и так собираются осудить. Что ещё он собрался на него повесить?

– Слушаю вас, главный лекарь, – кивнул Устинов.

– В этой ситуации есть и моя вина, – неожиданно заявил Кораблёв. – Олега Мечникова должен был излечить от зависимости я. Однако… Так вышло, что мы поссорились. Я вспылил… Выгнал его из амбулатории и отказал в лечении, хоть и не должен был этого делать.

Что он делает? Защищает моего дядю? Вот этого я точно от Кораблёва не ожидал. С чего бы это вдруг старик так резко изменил своё мнение?

– И все остальные события тоже произошли по моей вине, – заявил главный лекарь. – Я не увидел, что один из моих сотрудников – некромант. В итоге обвинил другого. Сам спровоцировал Олега Сергеевича на драку.

Мы с дядей смотрели на Кораблёва и искренне не понимали, что происходит. Он ведь был настроен потопить нас обоих!

– Это всё, Иван Сергеевич? – поинтересовался судья.

– Да, – кивнул главный лекарь и вернулся на своё место. – У меня всё.

– Ваше заявление не сильно меняет ситуацию. Однако всё же я приму его к сведению, когда буду выносить приговор. Итак, кто-то из присутствующих хочет сообщить суду ещё какие-либо сведения?

– Отпустите Мечникова и его дядю! – выкрикнул кто-то из толпы. – У нас в Хопёрске больше нет таких лекарей, как он!

– Да! Он спас моего сына! Дочку наших соседей Бахмутовых с того света достал! Без всякой некромантии! – прокричал незнакомый мне мужчина.

– Если дядю посадят, Алексей Александрович от нас уедет! – крикнул один из моих пациентов, что сидел на дальнем ряду. – Тогда нас точно лечить будет некому!

Прав был Шацкий. Я проработал здесь всего неделю, но уже успел переманить многих людей на свою сторону. Создал имидж продвинутого столичного лекаря. Крестьян и простых горожан мало интересовало, почему меня изгнали из Санкт-Петербурга. Ведь они видели, как я работаю. Чувствовали эффект на себе.

Кажется, я уже успел поднять свой авторитет в Хопёрском районе.

Устинов вновь ударил кулаком по столу.

– Довольно. Больше полезной информации никто не предоставит. Я понял, – заключил судья. – Тогда я готов вынести своё решение.

Толпа вновь замолчала.

– Как я уже и сказал, обвинения с Алексея Мечникова сняты. Антон Генрихович Сухоруков обвиняется в злоупотреблении некромантией, а потому отправляется в саратовскую тюрьму для особо опасных магов. Что касаемо Олега Мечникова… Он будет принуждён к четырём месяцам работ в Садах. А господин Кораблёв от лица амбулатории выплатит штраф в размере ста пятидесяти рублей. За неоказание помощи, которую требовал от него суд.

Сады… Я уже слышал о них. Это какое-то село к северу от Хопёрска. Но если вдуматься, это не такая уж и большая проблема. Четыре месяца работы лучше, чем огромный штраф или каторга. Однако я всё равно уделю внимание отлучению дяди от этой паршивой привычки. Больше ни одна капля этого зелья не упадёт на его язык.

– Вы все сдохните! – неожиданно проорал Сухоруков. – Вашему району – конец. Городу – конец!

– Уведите его, – приказал унтер-офицер Сапрыкин своим подчинённым.

Городовые подхватили патологоанатома и потащили к выходу из зала суда. Тот почти не сопротивлялся, лишь дёргался исключительно для того, чтобы показать своё неподчинение.

– Я создал несколько очагов некротики в окрестностях Хопёрска! – проорал он. – Скоро вы столкнётесь с несколькими сюрпризами, мои уважаемые коллеги. Владыкино, говорите? Это была лишь проба моих сил! Вы даже не представляете, что я создал… Без меня вы с этим не справитесь!

Дальнейшую речь Сухорукова никто уже не услышал. Его вывели из зала и потащили в полицейский участок.

– Заседание суда объявляется закрытым, – сказал Константин Викторович Устинов.

Зрители покидали здание чуть ли не бегом. Всем хотелось посмотреть, как ведут Сухорукова. Народ жаждал устроить ему позорное шествие.

– Получилось, племянник, – прошептал Олег. – У нас получилось, Грифон нас раздери!

– Да, выкрутились, – улыбнулся я. – Справедливость восторжествовала. Правда, я всё же не хотел, чтобы тебя наказывали. Почему ты не сделал так, как я просил?

– Я хотел, Алексей, правда, – вздохнул Олег. – Но потом посмотрел на то, как вы с Шацким рискуете своей жизнью… И понял, что если буду после этого прикрывать свою шкуру, то потом почувствую себя каким-то жалким дождевым червём. Грешен, за это и расплачусь.

– Алексей Александрович, – прервал наш разговор унтер-офицер Сапрыкин. – Можно вас на пару слов?

– Да, унтер-офицер, – кивнул я. – Чего хотели?

Последняя наша беседа закончилась тем, что Сапрыкин выразил желание меня казнить. Интересно, что же он скажет теперь?

– Я допустил ошибку, поэтому каюсь и прошу у вас прощения, – склонился он. – Настоящего защитника Владыкино я оклеветал, назвал убийцей, разбойником! Если желаете написать на меня жалобу, я не стану вас осуждать.

– Не стоит, унтер-офицер, всё в порядке, – ответил я. – Хоть это и было для меня оскорбительно, но как лекарь я прекрасно понимаю, на что способен человек, потерявший близких. Все свидетели были против меня. Я не могу винить вас в произошедшем.

– Это очень великодушно с вашей стороны, – вздохнул он. – Я могу отплатить вам лишь одним. Ваш дядя не будет горбатиться вместе с остальными осуждёнными в Садах. Я свяжусь со знакомыми, попрошу, чтобы эти четыре месяц он работал лекарем.

– Было бы очень кстати, – улыбнулся я. – Благодарю вас, унтер-офицер.

– Просто… Я очень хорошо понимаю вашего дядю. Он чуть не потерял ребёнка. Боюсь, что на его месте я бы и сам пошёл против закона, – признался Сапрыкин.

– Как и все мы, – согласился я. – Рад, что мы с вами не скатились во вражду.

– Взаимно, Алексей Александрович, – сухо улыбнулся Сапрыкин. – Если что-то понадобится – обращайтесь.

Что ж, всё закончилось не так уж и плохо! Меня оправдали, а дяде предстоит поработать лекарем в Садах. Как я понял, это – село, где трудятся осуждённые по лёгким статьям. Фактически, свободу он не потеряет. Просто будет вынужден отработать за своё преступление.

Остаётся решить главный вопрос.

Куда, чёрт подери, делось огненное кольцо Кособокова?!

***

Сухорукова провели через толпу людей к участку. Люди плевались в него, бросались камнями и гнилыми овощами. И даже городовые не могли этому препятствовать. А точнее – не стали.

Патологоанатома бросили за решётку, в которой не оказалось ни окон, ни вентиляции. Холодная, мокрая комната. Его последнее пристанище перед отправлением в тюрьму.

– По крайней мере я успел насолить Хопёрску… – прошептал он себе под нос. – Успел создать несколько семян некротики. Скоро они взрастут.

Призраки продолжали преследовать неопытного некроманта. Нашёптывали ему свои приказы. Пугали и угрожали Сухорукову. Но он уже к этому привык. Его разум давно помутился из-за их голосов.

Полицейские ушли, оставив его наедине с голосами в голове. По крайней мере так Сухорукову казалось поначалу. На самом деле рядом с его камерой остался один человек, который молча взирал на заключённого из темноты.

А затем щёлкнул замок. Неизвестный распахнул камеру. Сухоруков удивлённо поднял взгляд, осознав, что один из полицейских только что открыл ему путь к свободе.

– Неужто у меня всё же нашлись последователи? – улыбнулся некромант.

Городовой молча подошёл к Сухорукову, а затем произнёс:

– Во Владыкино жила моя супруга, – голос полицейского был холоден. – Она носила моего ребёнка, когда их обоих убил твой мор.

Когда Сухоруков осознал, что свободу ему никто предлагать и не думал, было уже слишком поздно. В его сердце всадили нож.

Он упал на холодный камень, но всё ещё не потерял надежду. Потянулся к своей магии, заставил ядра вибрировать. Пожелал воскресить самого себя.

Но опыта для такого трюка у патологоанатома оказалось слишком мало. Вскоре его магия угасла, а вместе с ней исчезла и жизнь в его теле.

***

В зале суда осталось всего четыре человека. Я, мой дядя, Кораблёв и Устинов.

Пока судья заполнял протокол заседания, главный лекарь подошёл к нам с Олегом и произнёс:

– Рад, что вы не оказались некромантом, Алексей Александрович. Мне было бы жаль терять такого лекаря, как вы.

– А вы думаете, что я после всего произошедшего вернусь в вашу амбулаторию? – усмехнулся я. – От меня только Синицын не отвернулся. Все остальные пытались засадить нас с дядей за решётку.

– Именно поэтому я и вызвался взять на себя часть вины, – сообщил Кораблёв. – Я понял, что ошибался. Однако оправдываться не желаю. Мне уже далеко за шестьдесят, господин Мечников. Я работал во многих городах Российской Империи и ещё ни разу не видел, чтобы лекарь поднимал человека после остановки сердца. Поэтому я вынужден умолять вас – простите старика. Вернитесь к нам в амбулаторию и обучите меня и других лекарей тому, что знаете. Взамен я всегда буду прислушиваться к вашему мнению. Всегда буду стоять на вашей стороне.

Сложное решение. Я уже заручился поддержкой жителей Хопёрска. Что мешает мне теперь стать частным лекарем?

– Пожалуйста, Алексей Александрович, – настаивал Кораблёв. – Войдите в моё положение. Не держите на меня зла…

– Господа Мечниковы! – крикнул нам судья. – Иван Сергеевич. Уважаемые, вы почему до сих пор здесь? Вам что, хочется продолжить заседание?

Вообще-то, я задержался здесь не для того, чтобы общаться с Кораблёвым.

– Константин Викторович, – произнёс я. – Остался один нерешённый вопрос. Он моего дела не касается. Просто вы упомянули, что кольцо вам никто не передавал. А это кольцо крайне опасно. Его нужно срочно найти.

– Унтер-офицер Сапрыкин сообщил, что оно исчезло из камеры хранения, – вздохнул судья. – Однако у меня есть предположение, кто мог его забрать.

Глава 5

– Как вы уже могли понять из моей истории, Константин Викторович, – произнёс я, – это кольцо крайне опасно. Поэтому начинать поиски похитителя нужно уже сейчас.

– Эх, господин Мечников! Надо было вам сразу его сдать в полицию, а не хранить у себя! – упрекнул меня Устинов.

– Да что вы? И с какой же целью? – спросил я. – Чтобы его выкрали быстрее? Пока кольцо находилось у меня, все были в безопасности. Я бы не стал использовать его в качестве оружия.

– Я это уже понял, – вздохнул он. – Ведь вы не явились ко мне так же, как покойный Кособоков.

Погодите, о чём это он? Больно много информации сразу. Судья тоже был знаком с Кособоковым? И откуда он знает, что авторитет уже мёртв? Я ничего не упоминал о том, что случилось в Красногривовском лесу.

– Чего вы так удивляетесь, господин Мечников? – усмехнулся Устинов. – Городовые уже нашли его останки. Судя по всему, им поживились упыри. А касаемо моего личного с ним знакомства…

Судья взглянул сначала на Олега, а затем нам Кораблёва.

– Надеюсь, вы умеете хранить секреты, – произнёс Устинов.

– Мы все – лекари. Думаю, этим всё сказано, – заключил я.

Тогда судья расстегнул две верхних пуговицы своей рубашки, распахнул мундир и показал нам сияющую огненную печать.

– Я не меньше вас хочу найти это кольцо, – произнёс он. – Пока вы не рассказали мне о его свойствах, я и не думал, что способность Кособокова скрыта именно в этом артефакте. Он умело прятал его, пока не захватил половину города. Потом ему стало всё равно. На самом деле я очень рад, что кольцо хотя бы какое-то время было у вас, Алексей Александрович. Это был первый суд за долгое время, на котором мне не приходилось оправдывать людей Кособокова. Честный суд.

– Вы сказали, что догадываетесь, куда могло пропасть кольцо, – напомнил я. – Кто, по-вашему, мог его забрать?

– Тот же, кто не дал вам воспользоваться услугами адвоката, – пожал плечами судья. – Очевидно, это наш барон Елин подослал своих людей в участок.

– Значит, это к лучшему, – заключил Иван Сергеевич Кораблёв. – Пусть лучше такое оружие будет у законных властей.

– Не уверен, что вы правы, Иван Сергеевич, – добавил я. – О каком законе идёт речь, если барон пытался усадить меня за решётку? Вопрос только в том, зачем ему это понадобилось…

– Очевидно, господа, – вмешался Олег. – Мой племянник показал себя сильным и независимым от остальных сторон человеком. А такая личность в Хопёрске никому не нужна.

Скорее всего, дядя прав. Всего за пару недель я разрушил союз Елиных и Мансуровых, а затем сверг Кособокова и заполучил кольцо, которое контролировало целый город. Готов поспорить, такого переполоха в Хопёрске не было уже очень давно.

– Думаю, вам больше не имеет смысла здесь оставаться, – сказал нам судья, собирая бумаги. – Больше я вам ничего не скажу. Могу только пообещать, что попробую поговорить с Иннокентием Сергеевичем Елиным и повлиять на его дальнейшие решения. Это – максимум того, что я могу изменить в сложившейся ситуации.

Сказав это, Устинов покинул главный зал суда. Я же взглянул на Кораблёва, вспомнив наш предыдущий разговор, и заявил:

– Хорошо, Иван Сергеевич, я готов дать Хопёрской амбулатории последний шанс. Завтра выйду на работу. Однако рассчитываю, что вы не станете изменять своему слову. Я этому

городу – не враг. Я обычный лекарь, который хочет делать свою работу и помогать людям. На этом всё.

– Рад, что вы приняли моё предложение, – с облегчением вздохнул Кораблёв. – Но я бы на вашем месте не скромничал. Вы – необычный лекарь, Алексей Александрович. Воскресить нескольких людей без некромантии…

– Да не воскрешал я никого! – воскликнул я. – Они и так были живы. Впрочем, неважно, проведу небольшой курс для наших лекарей. Правда, не уверен, что они прислушаются, если учесть, что все, кроме Синицына и Решетова, давали против меня показания.

– С этим я разберусь, – кивнул Кораблёв. – Даю слово.

– Иван Сергеевич! – неожиданно воскликнул Олег, затем подошёл к главному лекарю и… протянул ему руку. – Хоть между нами и было немало всякого дерьма, но я благодарен вам за то, что вы взяли часть вины на себя. Простите, что вёл себя, как последний ублюдок.

Кораблёв, почти не моргая, ответил на рукопожатие Олега. Похоже, он ожидал, что дядя вмажет ему ещё раз.

– Что было – то было, Олег Сергеевич. Мы оба хороши, – ответил он. – На самом деле… Если понадобится работа, я с радостью буду ждать вас в амбулатории, когда закончите трудиться в Садах.

– Спасибо, я подумаю, – кивнул дядя.

– Но только при том условии, что с зависимостью от зелий будет покончено, – уточнил Кораблёв.

– А уж за этим я прослежу, не беспокойтесь, – добавил я. – Что-то мы задержались. Пора уже возвращаться домой.

Наша троица вышла из здания суда. К моему удивлению, Кораблёв с Олегом продолжили вести беседу. Бывает же такое… Час назад мы были, грубо говоря, врагами, а теперь всё стало даже лучше, чем прежде.

Я почувствовал холодный укол. А затем ещё множество таких. На коже таяли снежинки. Я поднял голову и увидел, как на Хопёрск обрушился снег.

Давно пора. Осень была тёплой. Когда я попал в этот мир, подумал, что на дворе лето. Но природа решила взять своё. А раз наступает зима, значит, у меня скоро будет ещё больше работы, чем прежде. Вирусные инфекции, обморожения, пневмонии… Занятий для лекаря будет немало.

А если вспомнить, что Сухоруков сказал про некротику… Возможно, рано или поздно всплывёт ещё один тёмный леший или нечто похожее на него. Нужно быть готовым встретиться с этой дрянью.

Я проводил дядю до квартиры, чтобы убедиться, не станет ли ему снова плохо. Заодно и проведал Катю с Серёжей. Всё-таки удивительное терпение оказалось у супруги моего дяди. Встретив его, она не сказала ни единого слова о зельях, не попыталась его упрекнуть. Хотя было за что.

Крупно всё-таки ему повезло.

– Так когда ты уедешь, Олег? – спросила Катя. – Вы с Алексеем как-то вскользь упомянули эти принудительные работы. Когда и на сколько тебя туда отправят?

Дядя выдержал паузу, затем отпил приготовленный Катей чай и произнёс:

– С завтрашнего дня, Катенька. На четыре месяца уеду в Сады. Но у меня будет возможность приезжать к вам. Это – не заключение. Просто за пределы Хопёрского района я выезжать не могу. Думаю, на выходных меня будут пускать к тебе с Серёжей.

– Ты когда это успел все подробности узнать? – поинтересовался я.

– Унтер-офицер Сапрыкин передал мне записку с условиями, – ответил Олег. – Сам только сейчас с ней ознакомился.

Катю эта новость совсем разбила. Девушка даже не знала, что ответить.

– Не беспокойся, я буду каждый день приходить к вам, – утешил её я. – Если понадобится какая-то помощь, я всегда буду рядом. В будни – я, а по выходным – дядя.

После долгого разговора мы всё же убедили Катю, что произошедшее – наилучший исход. Наступил вечер, но прежде чем покинуть квартиру, я подозвал дядю, чтобы поговорить с ним наедине.

– Значит так, дядь, – начал я. – Говори честно, у тебя зелья ещё остались?

– А что ты хочешь с ними сделать? – напрягся он.

– Вылить, очевидно, – ответил я. – После всего, что мы пережили, ты обязан сказать мне, где они.

– Да одна бутылка осталась всего, – вздохнул Олег. – И не здесь она. В особняке до сих пор хранится. Удивлён, что ты до сих пор её не нашёл. Я её под магической платформой прятал.

– Что-то не сходится, – помотал головой я. – Как же ты умудрился тогда накидаться после похищения Серёжи, если бутылка была в особняке?

Олег тяжело вздохнул. Признаки зависимости были налицо. Умом он понимал, что нужно прекращать, но мозг обманывал его же самого.

– Ты прав, племянник, – ответил он. – Сейчас я тебе всё отдам.

Олег пролез в кладовку и вытащил оттуда бутылку с зелёной жидкостью. Трясущимися руками он передал её мне.

– Ты, главное, сам не вздумай эту дрянь употреблять, – произнёс он. – Жуткое пойло. Оно меняет человека.

– Не беспокойся, пить я его не собираюсь, – ответил я. – Рад, что ты всё-таки признался, что у тебя остался запас. А теперь подумай о том, что станет с твоей семьёй, если ты не прекратишь баловаться этими зельями.

Я направился к выходу из квартиры.

– И если в Садах возникнут какие-либо проблемы – говори мне, – не оборачиваясь, бросил я. – Я решу любой вопрос. Главное – не скрывай.

– Спасибо, Лёш, – закрывая дверь, произнёс он.

Я спрятал бутылку у себя под пальто и быстрым шагом направился домой. Дядю мне пришлось немного обмануть. Выливать его зелье я не стану. Для начала проведу несколько опытов, чтобы понять, из чего оно сделано. Лишний раз расспрашивать его о формуле явно не стоит. Любые мысли о создании зелья могут спровоцировать у зависимого желание сварить новое.

Тем более, Олег, скорее всего, понятия не имеет, как действует этот отвар. Есть вероятность, что в малых дозах его можно использовать как лекарство. Это я и хочу выяснить.

По пути домой заглянул в лавку портного и приобрёл белую хлопковую ткань. Прошлому отрезку ткани дом нашёл применение получше и сделал из него новое постельное бельё.

Можно было бы сделать заказ, чтобы профессионал изготовил для меня медицинский халат, но мне хотелось сделать это самому. Вряд ли портной с ходу поймёт, что мне нужно. И так уж повелось, что все медицинские изобретения я изготавливаю своими руками. По крайней мере, пока что.

Оказавшись на территории особняка, я обнаружил тревожно жужжащего Токса. Он прятался под крыльцом, ожидая меня. Увидев своего хозяина, Токс выскочил из укрытия и прыгнул мне на руки.

– Ну здравствуй, дружище, – рассмеялся я. – А я боялся, что ты не найдёшь дорогу домой!

– Ж-жу!

– Всё в порядке, проблем больше нет. Мы с Олегом на свободе, – сообщил я. – Кстати, так мне и не удалось поговорить с твоим создателем о тебе. Кого же он в тебя засунул? Может, ты сможешь мне подсказать?

Токс волнительно прожужжал, пытаясь что-то мне сообщить, и лишь тогда я заметил в его лапках письмо.

– Что это у тебя? – удивился я.

Я достал письмо и затащил Токса в дом. Оказавшись в особняке, я взглянул на конверт и обнаружил следующую надпись: «От: Александра Сергеевича Мечникова; кому: Алексею Александровичу Мечникову».

Письмо от отца? Не ожидал, что он первым пришлёт весточку. Видимо, Токс достал письмо из нашего почтового ящика. Не хочу думать, что клещ напал на почтальона и силой отобрал адресованное мне послание.

Оказавшись в доме, я присел за обеденный стол и распаковал конверт. Текст письма оказался коротким. Однако он меня нехило шокировал.

«Здравствуй, сынок. Буду краток. Надеюсь, Олег принял тебя достойно. А также хотелось бы думать, что ты не держишь на меня зла. Прошу, отправь ответное письмо с кратким отчётом о своём положении в ближайшее время. Должен предупредить – то, что ты натворил незадолго до отъезда, будет иметь последствия. И я подозреваю, что они могут настигнуть тебя даже в Хопёрске. Будь бдителен».

И на этом всё.

Так… А что, интересно, я натворил? Вернее, не я, а мой предшественник? Запорол учёбу в университете? Учитывая, что отец уже всё уладил и сейчас я работаю лекарем, вряд ли речь идёт именно об этом. Похоже, прежний Алексей Мечников успел что-то ещё наворотить. Только что он мог сделать? Судя по тому, в каком слабом теле я оказался изначально, этот человек и мухи бы не обидел. Даже если бы сильно захотел.

Я ведь потратил несколько недель после перемещения в этот мир, чтобы привести организм в порядок. Помню, как с первого же дня мучился от похмелья, а после детоксикации принялся делать элементарные упражнения, чтобы вернуть мышцам стандартный тонус. Бывший Алексей Мечников, очевидно, вёл разгульный образ жизни. Может, он кого-то оскорбил на одной из светских встреч?

Но вряд ли простое оскорбление стало бы представлять для меня опасность. Скорее уж стоит ждать мести от рода Мансуровых, чем от тех, кому насолил прежний владелец тела в прошлом.

Но я всё же сомневаюсь, что отец стал бы предупреждать меня о каком-то пустяке. Видимо, он и вправду тревожится. Поэтому не стану задерживаться с ответом. Напишу ему письмо прямо сейчас.

Я нашёл чернила и перо и кратко расписал отцу о своей жизни в Хопёрске, исключив историю с Кособоковым и прошедший суд. В конце своего письма я оставил один-единственный вопрос: «Чего мне стоит опасаться?»

Я взглянул на массивный часовой шкаф, внутри которого находился механизм с маятниковыми часами, и обнаружил, что вечер уже заканчивается. Но я ещё не приступил к делу, которое наметил уже давно.

В комнате дяди стояла швейная машинка, которой пользовалась Катя. Как управляться с этим агрегатом я знал. Когда-то давно этому делу меня обучила бабушка. В прошлом я вообще много чего умел. Не привык нанимать людей для починки или ремонта, поскольку всегда мог решить любую задачу своими руками.

Я достал ножницы и прочие швейные принадлежности и приступил к делу. Создание белого халата оказалось не таким уж и простым испытанием, но я был готов убить ради этого дела всю ночь. Не хотелось мне больше работать в повседневном наряде. Как минимум, это добавляет лишний риск здоровью пациентов.

Пока я трудился, Токс начал шуметь в гостиной, словно кот, у которого пробудились инстинкты охоты.

– Токс! Не буянь! – крикнул ему я.

Может, Сухоруков случайно поместил в него душу кота? А она под воздействием магии стала более приспособленной к человеческому языку? Вполне может быть. Кот или собака. Ставлю на эти варианты!

К трём часам ночи халат был готов. Я примерил изготовленную одежду и оказался доволен. Даже карманы удалось приделать в нужных местах – а для меня это уже достижение. Всё-таки я лекарь, а не портной. Хлопок сидел на коже очень приятно. Такого качественного халата у меня ещё никогда не было. Всю жизнь носил какую-то синтетическую дрянь!

Опа… А кое-чего всё-таки не хватает.

Я взял ножницы и аккуратно проделал два отверстия в районе карманов брюк. Такая деталь чаще всего бывает именно в мужских халатах, чтобы иметь возможность дотянуться до брюк даже сквозь медицинскую униформу.

– Ж-жу! Ж-жу! – прокричал вбежавший в комнату клещ.

– Чего тебе? – спросил я. – Лучше скажи, как тебе халат? Нравится? По-моему, вышло шикарно!

Однако Токс назойливо пытался обратить внимание на себя. И, судя по его мельтешению, клещ хотел, чтобы я пошёл вслед за ним в гостиную.

– Ладно-ладно, успокойся! – повысил голос я, когда Токс начал отчаянно жевать мою штанину. – Халат, смотри, не испорти. Сейчас подойду.

Я снял халат, ещё раз проверил все швы, аккуратно сложил его и поместил в свой рабочий чемоданчик. Токс уже ждал меня в гостиной. Клещ забрался на стол, и только сейчас я понял, что он был весь вымазан в чернилах. Так же, как и большая часть обеденного стола.

– Да ты чего?! – воскликнул я. – Зачем этот бардак устроил? С какой целью?

Однако, подойдя к столу, я обнаружил, что в моё отсутствие клещ воспользовался не только чернилами, но и бумагой. Видимо, я оставил несколько листков, когда закончил с письмом.

И уже взглянув на них, я понял, почему Токс так настойчиво тащил меня сюда.

На листе бумаге было написано слово. Одно-единственное. Корявым, едва понятным почерком, но разобрать его я всё же смог.

«Человек».

Да быть того не может… Что он пытается мне сказать? Всё-таки в нём сидит не кошка и не собака?

Человек?!

– Токс, подпрыгни два раза, если считаешь, что в тебе находится душа человека, – попросил я.

Клещ сделал ровно то, о чём я попросил – попрыгал по столу, забрызгав чернилами рядом стоящую мебель.

– Ты помнишь, кем был? – поинтересовался я. – Остались какие-то воспоминания о прошлой жизни?

Он упёрся лапами в стол и помотал головной частью туловища. Видимо, это означает «нет».

Значит, Токс знает, что был человеком, но не помнит ничего из своей прошлой жизни. Это многое объясняет. Клещ понимает язык, слушается меня и даже может писать! Как же Сухорукову удалось поместить в насекомое человеческую душу? И что особенно интересно – чья она?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.